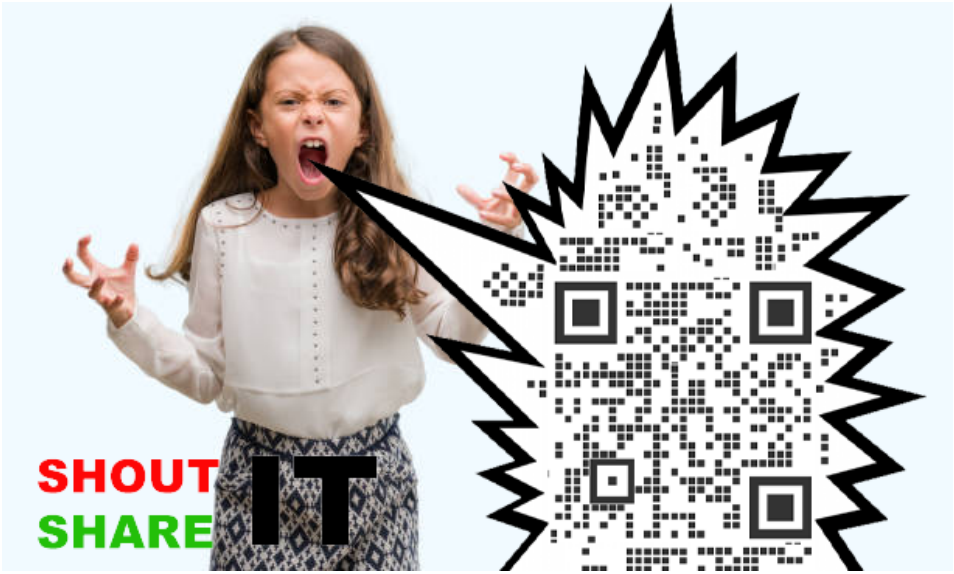
воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Белое движение
и борьба добровольческой армии
Май – октябрь 1918


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В данной книге автор рисует политическую карту Российского государства к середине 1918 года, рассказывает о внутренней жизни Добровольческой армии, а также о военных действиях с ее участием, описывает события, связанные с образованием «Особого совещания».

- Антон Иванович Деникин
  - Глава I. Внешние затруднения Добровольческой армии: отношения с донским атаманом
  - Глава II. Конституция добровольческой власти. Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги
  - Глава III. Внутренняя жизнь Добровольческой армии: традиции, вожди и воины. Генерал Романовский. Кубанские настроения. Материальное положение. Сложение армии
  - Глава IV. Второй Кубанский поход. Силы и средства сторон. Театр. План операции
  - Глава V. Взятие Торговой. Смерть генерала Маркова
  - Глава VI. Бои на путях к Екатеринодару. Кореновская
  - Глава VII. Взятие Екатеринодара
  - Глава VIII. Состояние большевистских войск Северного Кавказа в августе и сентябре. Наступление наше в августе 1918 года. Бои под Ставрополем, взятие Армавира и Невинномысской. Стратегическое окружение большевистской армии
  - Глава IX. Переход большевиков в контрнаступление в начале сентября 1918 года на Армавир, Ставрополь и по Верхней Кубани. Перемена большевистского командования и плана операции. Отступление большевиков в конце сентября к Невинномысской. Преследование их нашей конницей к Урупу. «Мятеж» Сорокина и его смерть. Террор в Пятигорске
  - Глава X. Оставление нами Ставрополя, бои под Армавиром, на Урупе и в Баталпашинском отделе. Очищение от большевиков левого берега Кубани. Двадцативосьмидневное сражение под Ставрополем (10 октября – 7 ноября)
  - Глава XI. События на Дону осенью 1918 года: положение на фронте, взаимоотношения с Добровольческой армией, проект Доно-Кавказского союза, Донской круг

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

Антон Иванович Деникин
Очерки русской смуты
Том III. Белое движение и борьба Добровольческой армии

Глава I. Внешние затруднения Добровольческой армии: отношения с донским атаманом

Наиболее тяжелые отношения установились у нас с донским атаманом.

На небольшом клочке освобожденной от большевиков русской земли двум началам, представленным, с одной стороны, генералом Красновым, с другой – генералом Алексеевым и мною, очевидно, оказалось тесно. Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, полное расхождение в стратегических взглядах и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и на «будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России. Он, Краснов, обладающий территорией, «народом» и войском, в качестве «верховного вождя Южной Российской армии»[1]] брал на себя задачу – ее руками – освободить Россию от большевиков и занять Москву[2]]… На этом же пути стояла другая сила – пока еще «бездомная», но с непререкаемым общерусским авторитетом бывшего верховного генерала Алексеева и с большим моральным весом и боевой репутацией Добровольческая армия.

Обе стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимым объединение вооруженных сил и обе не могли принести в жертву свои убеждения или предубеждения. На этой почве началась длительная внутренняя борьба – методами, соответствовавшими характеру руководителей… В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению Вооруженных Сил Юга путями легальными, атаман Краснов желал подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армию; какими средствами – безразлично.

Началось еще в мае, когда неожиданно атаманским приказом все донские казаки были изъяты из рядов Добровольческой армии, что расстроило сильно некоторые наши части, особенно Партизанский и конный полки. Мне пришлось поблагодарить донцов и отпустить их, чтобы не обострять положения и не создавать картины развала… В краткий период кризиса, пережитого Добровольческой армией[3]], отдельные лица, иногда небольшие части, дезертировали из армии на службу на Дон, встречая там радушный прием. Был даже случай, что целый

взвод с оружием и пулеметами под начальством капитана Корнилова[4]] бежал в Новочеркасск; с ним ушел также офицер штаба армии лейтенант флота Поздеев и… мой конный вестовой-текинец; характерная мелочь – последний ушел одвуконь, украв, кстати, мою лошадь. Штаб вел по этому поводу переписку, но безрезультатно. Все проходило совершенно безнаказанно. Между тем переход в Добровольческую армию, хотя бы и легальный, расценивался совершенно иначе. Помню, какой гнев вызвало впоследствии формирование донским генералом Семилетовым после долгих переговоров партизанского отряда в Черноморской губернии из донских граждан, не обязанных службой на Дону[5]]. Отряд не представлял из себя сколько-нибудь серьезной силы и, конечно, не мог иметь никакого политического значения – по крайней мере, я не допустил бы этого. Но генерал Краснов считал, что цель Семилетова, «находящегося всецело в руках кадетской партии… поднять казаков против правительства и свергнуть его, атамана, с должности»[6]]. В июне генерал Эльснер просил разрешения генерала Краснова при влечь на службу в армию иногородних Донской области и получил отказ, мотивированный тем, что «неокрепшие еще местные власти не в состоянии будут заставить иногороднее население выполнить приказ»[7]]. Через несколько дней атаман однако, отдал приказ о наборе иногородних Дона, формируя из них полк, кадром для которого послужили… следовавшие в Добровольческую армию офицеры лейб-гвардии Измайловского полка. Он откровенно высказывал генералу Алексееву[8]] надежду, «что получит гвардейских офицеров от всех полков гвардии»[9]]. Но измайловцы не пошли, а инициатор этой затеи, полковник Есимантовский, формировавший полк (потом бригаду) при помощи нескольких офицеров лейб-гвардии Финляндского полка, через два месяца, подчиняясь общему настроению, писал уже покаянное письмо генералу Алексееву[10]]: целью его было только «привести в Добровольческую армию готовый полк без расходов от нее». Есимантовский испрашивал указаний, «когда и как сделать переход в армию…»

Наиболее осложнений доставил вопрос с отрядом полковника Дроздовского. Прибыв в Новочеркасск 25 апреля, Дроздовский в тот же день донес мне, что «отряд прибыл в мое распоряжение» и «ожидает приказаний». Но время шло, назревал 2-й Кубанский поход, а начало его все приходилось откладывать: более трети всей армии – бригада Дроздовского – оставалось в Новочеркасске. Это обстоятельство препятствовало организационному слиянию ее с армией, нарушало все мои расчеты и не давало возможности подготовить операцию, о которой было условлено с генералом

Красновым 15 мая[[11]]. По просьбе Краснова отряд Дроздовского разбрасывался частями по области: конница дралась в Сальском округе, пехота употреблялась на «очистку от большевиков» Ростова и Новочеркасска на карательные экспедиции по крестьянским деревням севера области. Я требовал присоединения бригады; Дроздовский ходатайствовал об отсрочке для отдыха, организации и пополнения. Краснов упрашивал Дроздовского не покидать Новочеркасск – публично, на параде перед строем, и более интимно в личных разговорах с Дроздовским. Атаман порочил Добровольческую армию и ее вождей и уговаривал Дроздовского отложиться от армии, остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движение под общим руководством Краснова[[12]]. Слухи об этих переговорах и якобы колебаниях Дроздовского[[13]] дошли до офицеров его отряда и вызвали среди них беспокойство. По просьбе офицеров командир сводно-стрелкового полка полковник Жебрак обратился по этому поводу к Дроздовскому и получил от него успокоительное заверение. Позднее Дроздовский так писал мне о новочеркасских интригах:

> «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы..»

Я ждал присоединения отряда, без чего нельзя было начинать операцию, атаман всемерно противился этому и в то же время… «настаивал на немедленном наступлении – надо использовать настроение казаков, их порыв, надо воспользоваться растерянностью комиссаров…»

После беседы с Жебраком Дроздовский приехал в Мечетинскую, отряд его был зачислен в качестве 3-й бригады в Добровольческую армию и 23 мая выступил на соединение с ней.

Все эти неудачи не останавливали, однако, атамана перед попытками создания подчиненной ему Российской армии. Свое недоумение он высказал однажды в письме к генералу Алексееву[[14]]: «…на земле Войска Донского, а теперь и вне ее я работаю совершенно один. Мне приходится из ничего создавать армию… снабжать, вооружать и обучать ее. В Добровольческой армии много есть и генералов, и офицеров, которые могли бы

взять на себя работу по созданию армий в Саратовской и Воронежской губерниях, но почему-то они не идут на эту работу…» Краснов не хотел понять, что его попытки обречены на неуспех просто в силу психологии русского генералитета и офицерства, глубоко чуждой основным положениям атаманской политики. Попытки, вместе с тем неизбежно, даже независимо от чьей-либо злой воли, ослаблявшие и расстраивавшие Добровольческую армию.

Ввиду явной неудачи формирования Южной армии руководители ее вынуждены были передать ее в полное подчинение генералу Краснову[15]]. 30 сентября состоялся атаманский приказ о создании Особой Южной армии, в составе которой должны были формироваться три корпуса: Воронежский (бывшая Южная армия), Астраханский (бывшая Астраханская армия) и Саратовский (бывшая Русская народная армия). На новую армию возлагалась «защита границ Всевеликого войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождение Российского государства».

Возник вопрос о возглавлении армии генералом с общероссийским именем, чтобы привлечь таким образом офицерство. Но такого найти не удавалось. С генералом Щербачевым, жившим в Яссах, атаман не смог войти в связь. Генерал Драгомиров, проезжая в августе из Киева через Новочеркасск, «умышленно уклонился от встречи с Красновым», ибо – как он писал мне впоследствии[16]] – «мы стояли на столь различных точках зрения в вопросе о дружбе с немцами, что наш разговор мог бы иметь результатом только крупную ссору, с чего мне вовсе не хотелось начинать свою деятельность на Юге России». Тем не менее 30 сентября Краснов обратился к Драгомирову[17]] с предложением принять новую армию. Горячий Драгомиров ответил, что в этом формировании он «видит продолжение той же немецкой политики – divide et empera[18]] – которая привела нашу Родину к пропасти», и потому «предложение этого поста равносильно (для него) оскорблению…»[19]]

Остановился Краснов на Н. И. Иванове. К этому времени дряхлый старик, Н. И., пережив уже свою былую известность, связанную с вторжением в 1914 году армий Юго-Западного фронта в Галицию, проживал тихо и незаметно в Новочеркасске. Получив предложение Краснова, он приехал ко мне в Екатеринодар, не желая принимать пост без моего ведома. Я не противился, но не советовал ему на склоне дней давать свое имя столь сомнительному предприятию.

Однако, вернувшись в Новочеркасск, Иванов согласился.

25 октября мы прочли в газетах атаманский приказ о назначении Н. И., заканчивавшийся словами:

> «Донские армии восторженно приветствуют вождя их новой армии – армии Российской…»

Бедный старик не понимал, что нужен не он, а бледная уже тень его имени. Не знал, что пройдет немного времени и угасшую жизнь его незаинтересованный более Краснов передаст истории с такой эпитафией: «Пережитые им (генералом Ивановым) в Петербурге и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так любил, а вместе с тем и немолодые уже годы его отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности…»

Генерал Иванов умер 27 января, увидев еще раз крушение своей армии, особенно трагическое в войсках Воронежского корпуса[[20]].

Я шел с армией походом, вел ежедневно кровавые бои, требовавшие большого нравственного напряжения и известного душевного равновесия… А из нашего тыла, из Новочеркасска, все чаще шли вести, возмущающие и волнующие. Это были не просто слухи, а факты, документы, основанные на словесных и письменных излияниях не в меру злобствовавших ненавистников Добровольческой армии.

Атаман в заседаниях правительства, в речах и беседах, командующий Донской армией генерал Денисов публично в офицерских собраниях поносили и Добровольческую армию, и вождей ее. Поносили все – нашу стратегию, политику нравственный облик начальников и добровольцев. «Достоверные сведения» о полном развале Добровольческой армии были любимой темой донских руководителей[[21]].

Даже самый поход наш был заранее опорочен. В заседании 26 июня Краснов заявил[[22]], что Добровольческая армия «оставила без всякого предупреждения Донского правительства в ночь 11 июня линию Мечетинская-Кагальницкая, чем Донская армия поставлена в крайне тяжелое положение, ибо получилось обнажение фронта». Этот упрек брошен был армии, двинутой во 2-й Кубанский поход, имевший одной из ближайших задач освобождение Задонья и тот общий результат, который в отчете Кругу Денисова выражен был следующими словами: «Быстрое движение войск и начало очищения Сальского округа обозначились после успехов Добровольческой армии, взявшей Торговую… Освободились (также) от противника южные части

Ростовского и Черкасского округов, отпала угроза Новочеркасску с юга, и вместе с тем мы смогли за счет азовского и тихорецкого направлений усилиться на других фронтах, а с прибывшими подкреплениями перейти к более активным действиям…»

Отношения верхов отражались в низах – особенно в буйном, несдержанном новочеркасском тылу. На этой нездоровой почве пьяный скандал разрастался в событие, перебранка подгулявших офицеров – в оскорбление Донского войска или Добровольческой армии. Были, конечно, и чисто бытовые причины недоразумений между «хозяевами» и «пришельцами». «Хозяева» были замкнуты в кастовых перегородках, несколько эгоистичны и не слишком приветливы. Но если правы были добровольцы, жалуясь неоднократно на дурное отношение к ним казаков, то и те имели не раз основание для такого отношения в поведении части добровольческого офицерства, в их нескромной самооценке, в полупрезрительном отношении к донским частям, наконец, в «назойливой браваде монархическими идеями». Правда, эти отношения складывались резко только в тыловых гарнизонах, а если и отражались в армии, то в гораздо более умеренных формах. Вообще же в массе своей добровольчество и донское казачество жили мирно не следуя примеру своих вождей.

Очевидно, в этой распре были не совсем правы и мы. Генерал Алексеев писал мне 26 июня:

> «Отношения (между атаманом и Добровольческой армией) не хороши и вредят нам сильно… В особенности, принимая во внимание, что генерал Денисов совсем не принадлежит к числу наших друзей. Примеру главных деятелей следуют исполнители. Полагаю, что в некоторых случаях нужно изменить тон наших сношений, так как в создавшейся атмосфере взаимного раздражения работать трудно. И только когда мы окончим счеты, можно будет высказать все накипевшее на душе за короткое время с 15 мая».

М. В. упустил из виду одно – что почти вся ориентировка с Дона исходила от него[23]]. Только что он умел обыкновенно облекать эти отношения во внешние дипломатические формы, я же не постиг этого искусства. Каждое его письмо дышало недоверием и осуждением общей политики атамана и Денисова и их отношений к Добровольческой армии. Насколько глубоко было это недоверие, видно из переписки между ними, имевшей место в августе.

10 августа генерал Алексеев, находившийся тогда в Екатеринодаре, под влиянием донесений из Новочеркасска телеграфировал Краснову[[24]]:

> «Негласно до меня доходят сведения, что предполагаются обыски и аресты моего политического отдела[[25]]. Если это правда, то такой акт, ничем не вызванный, будет означать в высокой мере враждебное отношение к Добровольческой армии. Разве кровь армии (пролитая) за Дон позволяет такой унизительный шаг?»

Генерал Краснов, вероятно, искренно ответил:

> «Я удивляюсь, что Ваше Высокопревосходительство допускаете думать, что такой акт к дружеской нам Добровольческой армии возможен. Прошу арестовать как злостных провокаторов лиц, распускающих такие слухи. Враги Дона ни перед чем не стесняются, чтобы вызвать вражду и недовольство в той армии, которой Дон так многим обязан и в которой видит будущее России…«[[26]]

Как жаль, что в то же время у атамана и Денисова не находилось для этого «будущего России» иного эпитета, чем «странствующие музыканты» или «банды»!

В случайном признании атаманом значения армии было, вероятно, и некоторое отражение донских настроений… Ведь не только пафос и правила вежливости или «кадетская интрига» руководили Большим войсковым Кругом – тем самым «мудрым» Кругом, который переизбрал атамана Краснова, когда Круг, собравшись осенью 18 года, обратился к армии с ответным приветствием:

> «…С чувством глубокой радости (мы) выслушали братский привет и пожелания успеха в нашей работе. Слухи, доносившиеся к нам даже в самые отдаленные хуторские углы о нарушенных сердечных отношениях с вами, тревогой и скорбью отзывались в наших сердцах. Но теперь тревога рассеяна… У Тихого Дона нет достаточно сильных слов для выражения своих чувств,

преклонения перед вашими подвигами, но есть горячая любовь и искреннее желание не словами, а делом служить вам в вашей тяжелой, святой работе..»[27]]

Было два человека – Богаевский и Эльснер – оба люди спокойные и уравновешенные, которые больше других работали над тем, чтобы сгладить трения между Новочеркасском и ставкой Добровольческой армии, но им это решительно не удавалось. Что касается меня лично, то, чтобы не терять душевного равновесия и не создавать самому каких-либо поводов для осложнений, я с конца июня 1918 года прекратил совершенно переписку с генералом Красновым; возобновилась она ненадолго, в силу необходимости, только после объединения командования в 1919 году. Но атаман продолжал писать пространно моим помощникам, вызывая в них не раз глубокое недоумение.

Так, в октябре 1918 года он писал генералу Драгомирову[28]]:

«…У Вас после тяжелых боев прорвался Сорокин с отрядом, и Ваши и мои враги пустили слух, что генерал Деникин нарочно выпустил его, чтобы не дать Краснову взять Царицын. Судите сами, Абрам Михайлович, такими слухами, такими грязными сплетнями на чью мельницу мы льем воду…»

Возмущенный генерал Драгомиров 13 октября отвечал:

«…Вашим вопросом – „на чью мельницу мы льем воду“ – Вы как будто возлагаете вину на нас за эти сплетни… Неужели не ясно, что Добровольческая армия из сил выбивается, чтобы сдержать напор большевиков, значительно превышающих (ее) в силах и неизмеримо обильнее снабженных боевыми припасами? Неужели последние кровопролитные и упорнейшие бои, в коих гибли с несравненным геройством офицерские части армии, дают кому-либо право сколько-нибудь серьезно останавливаться на приведенной Вами грязной сплетне о выпуске Сорокина? Неужели по своей доброй воле Добровольческая армия два месяца дерется изо дня в день все на тех же позициях, а города и станицы периодически переходят из рук в руки при всех ужасах,

которыми сопровождаются для жителей эти переходы?..»

Любопытно, кто же, однако, распространял «такие грязные сплетни»?

В те же дни[29] Краснов писал в Екатеринодар донскому представителю генералу Смагину:

> «… Мы ведем борьбу с восемью советскими армиями, в то время как против Добровольческой армии только одна армия – Сорокина, и та более чем наполовину выпущена против нас… Прибытие отряда Сорокина[30] и дивизии Жлобы, не преследуемых по пятам добровольцами, и удар их в тыл нашим войскам у Царицына произвели на казаков угнетающее впечатление.
>
> …Конечно, это письмо только тема для Вас. Оно не для огласки», – *заканчивал генерал Краснов*.

Я чувствую, что посвятил слишком много строк и внимания розни «белых генералов». Но это было. Внося элемент пошлости и авантюризма в общий ход кровавой и страшной борьбы за спасение России и отражаясь роковым образом на ее исходе.

Глава II. Конституция добровольческой власти. Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги

В станицах Мечетинской и Егорлыкской жила Добровольческая армия – на «чужой» территории, представляя своеобразный бытовой и военный организм, пользовавшийся полным государственным иммунитетом.

С первого же дня моего командования, без каких-либо переговоров, без приказов, просто по инерции утвердилась та неписаная конституция Добровольческой армии, которой до известной степени разграничивался ранее круг ведения генералов Алексеева и Корнилова. Генерал Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верховное управление армией и командование. За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный дуализм.

Щепетильность в этом отношении генерала Алексеева была удивительна – даже во внешних проявлениях. Помню, в мае в Егорлыкской, куда мы приехали оба беседовать с войсками, состоялся смотр гарнизону. Несмотря на все мои просьбы, он не согласился принять парад предоставив это мне и утверждая, что «власть и авторитет командующего не должны ничем умаляться». Я чувствовал себя не раз очень смущенным перед строем войск, когда старый и всеми уважаемый вождь ехал за мной. Кажется, только один раз, после взятия Екатеринодара, я убедил его принять парад дивизии Покровского, сказав что я уже смотрел ее.

В то же время на всех заседаниях, конференциях совещаниях по вопросам государственным, на всех общественных торжествах первое место бесспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу.

В начале июня, перед выступлением моим в поход генерал Алексеев переехал из Мечетинской в Новочеркасск и попал сразу в водоворот политической жизни Юга. Его присутствие там требовалось в интересах армии. Работая с утра до вечера, он вел сношения с союзниками, с политическими партиями и финансовыми кругами, налаживал, насколько мог, отношения с

Доном и своим авторитетом и влиянием стремился привлечь отовсюду внимание и помощь к горячо любимой им маленькой армии.

Но временная наша разлука имела и свои отрицательные стороны. При генерале Алексееве образовался военно-политический отдел, начальником которого стал полковник генштаба Лисовой. Этот отдел был пополнен молодыми людьми, обладавшими, по-видимому, повышенным честолюбием… Вскоре началась нервирующая переписка по мелким недоразумениям между отделом и штабом армии. Даже милейший и добродушнейший Эльснер стал жаловаться на «двоевластие» в Новочеркасске и на Лисового, который «весьма ревностно следит, не получает ли кто-либо, а главное он (Эльснер), каких-либо политических сведений помимо него. Бывали случаи и посерьезнее. Так, например, совершенно неожиданно мы прочли в газете[[31]]], случайно попавшей в армию, официальное уведомление от военно-политического отдела, что уполномоченными представителями армии по формированию пополнений (начальники центров) являются только лица, снабженные собственноручными письменными полномочиями генерала Алексеева… Это сообщение поставило в ложное положение меня и в роль самозванцев – начальников разбросанных повсюду по Украине и Дону центров и вербовочных бюро, которые назначались мною и руководились штабом. В архиве я нашел переписку, свидетельствующую, что это сделано было самовольно «молодыми людьми». Положение осталось, конечно, прежним. По инициативе отдела и за подписью Лисового так же неожиданно появилось в газетах сообщение, вносившее серьезное изменение в «конституцию» Добровольческой армии. В этом сообщении «ввиду неправильного осведомления общества» разъяснялась сущность добровольческой иерархии, причем генерал Алексеев был назван впервые «Верховным руководителем Добровольческой армии».

Так как в моих глазах моральное главенство генерала Алексеева было и без того неоспоримым, то официальное сообщение не могло внести в жизнь армии каких-либо перемен, тем более, что практика «дуализма» осталась без ущерба. Мне казалось лишь несколько странным, что узнал я о новом положении из газет, а не непосредственно.

Об этих эпизодах я никогда не поднимал разговора с генералом Алексеевым.

Все политические сношения, внутренние и внешние, вел генерал Алексеев, пересылая мне из Новочеркасска исчерпывающие сводки личных переговоров и подлинные

доклады с мест. С большинством исходивших от него лично письменных сношений я ознакомился только впоследствии. Но то взаимное доверие, которое существовало между нами, вполне гарантировало, что ни одного важного шага, изменяющего позицию Добровольческой армии, не переговорив со мною, генерал Алексеев не предпримет. И я со спокойным сердцем мог вести армию в бой.

С половины июля М. В. был опять при штабе армии – сначала в Тихорецкой, потом в Екатеринодаре, и личное общение наше устраняло возможность каких-либо трений, создаваемых извне.

Добровольческая армия сохраняла полную независимость от политических организаций, союзников и врагов. Непосредственно возле нее не было и видных политических деятелей.

Между прочим, и на Дону были попытки организации государственной власти и возглавления добровольческого движения, встретившие отпор со стороны генерала

Алексеева: Родзянко совместно с проживавшими в Ростове и Новочеркасске общественными деятелями усиленно проводил идею созыва Верховного совета из членов всех четырех дум. Присылал гонцов и в мою ставку. Писал мне о необходимости «во что бы то ни стало осуществить (эту) идею», так как «в этом одном спасение России». Но при этом, к моему удивлению, ставил «непременным условием, чтобы М. В. Алексеев был абсолютно устранен из игры»[32]]. Я ответил, что общее политическое руководство армией находится в руках М. В., к которому в следует обратиться по этому вопросу непосредственно… Алексеева я не посвятил в нашу переписку – и без того между ним и Родзянко существовали враждебные отношения.

Не было при нас и никакого кадра гражданского управления, так как армии предстояло выполнение частной временной задачи в Ставропольской губернии и на Кубани, и генерал Алексеев, вовлеченный в переговоры о создании общерусской власти за Волгой, не считал пока нужным создавать какой-либо аппарат при армии.

Мы оба старались всеми силами отгородить себя и армию от мятущихся, борющихся политических страстей и основать ее идеологию на простых, бесспорных национальных символах. Это оказалось необычайно трудным. «Политика» врывалась в нашу работу, врывалась стихийно и в жизнь армии.

1-й Кубанский поход оставил глубокий след в психике добровольцев, наполнив ее значительным содержанием – отзвуками смертельной опасности, жертвы и подвига. Но вместе с тем вызвал невероятную моральную и физическую усталость.

Издерганные нервы, утомленное воображение требовали отдыха и покоя. Хотелось всем пожить немного человеческой жизнью, побыть в обстановке семейного уюта, не слышать ежедневно артиллерийского гула.

Искушение было велико.

От Ростова до Киева и Пскова были открыты пути в области, где не было ни войны, ни большевиков, где у многих оставались семьи, родные, близкие. Формальное право на уход из армии было неоспоримо: как раз в эти дни (май) для большинства добровольцев кончался обязательный четырехмесячный срок пребывания в армии… Ворвавшаяся в открытое «окно» жизнь поставила к тому же два острых вопроса – об «ориентации» и «политических лозунгах». Для многих это был только повод нравственного обоснования своего ухода, для некоторых – действительно мучительный вопрос совести.

Кризис в армии принял глубокие и опасные формы.

Германофильство смутило сравнительно небольшую часть армии. Активными распространителями его в армейской среде были люди заведомо авантюристического типа: доктор Всеволжский, Ратманов, Сиверс и другие, ушедшие из армии и теперь формировавшие на немецкие деньги в Ростове и Таганроге какие-то «монархические отряды особого назначения», Панченко, издававший грубые, демагогические «бюллетени», чрезмерно угодливые и рассчитанные на слишком невежественную среду; в них, например, создавшиеся между Германией и Россией отношения объяснялись как результат «агитации наших социалистов, ибо главным врагом (своим) они почему-то считали императора Вильгельма, которого мировая история справедливо назовет Великим»[33]. Немецкие деньги расходовались широко, но непроизводительно. Впрочем, иногда цели достигали: начальником самого ответственного разведочного узла Добровольческой армии в Ростове какими-то непостижимыми путями оказался некто «полковник Орлов»[34], состоявший агентом немецкой контрразведки и членом организации Всеволжского…

Влияние более серьезное оказывали киевские германофильские круги. Но и они не могли побороть прочно установившиеся взгляды военной среды, находя отклик главным образом в той части офицерства, которая либо искала поводов «выйти из бойни», либо использовала немецкие обещания в качестве агитационного материала против командования.

Несравненно труднее обстоял вопрос с лозунгами.

«Великая, Единая и Неделимая Россия» – говорило уму и сердцу каждого отчетливо и ясно. Но дальше дело осложнялось.

Громадное большинство командного состава и офицерства было монархистами. В одном из своих писем[35] генерал Алексеев определял совершенно искренне свое убеждение в этом отношении и довольно верно офицерские настроения:

«… Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целость, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонялись от этого основного принципа»[36].

Но в мае – июне настроение офицерства под влиянием активных правых общественных кругов было значительно сложнее. Очень многие считали необходимым немедленное официальное признание в армии монархического лозунга. Это настроение проявлялось не только внешне в демонстративном ношении романовских медалей, пении гимна и т. п., но и в некотором брожении в частях и… убыли в рядах армии. В частности, появились офицеры-агитаторы, склонявшие добровольцев к участию в тайных организациях; в своей работе они злоупотребляли и именем великого князя Николая Николаевича. Меня неприятно удивила однажды сцена во время военного совета перед походом: Марков резко отозвался о деятельности в армии монархических организаций, Дроздовский вспылил:

– Я сам состою в тайной монархической организации… Вы недооцениваете нашей силы и значения…

В конце апреля в обращении к русским людям я определил политические цели борьбы Добровольческой армии[37]. В начале мая мною, с ведома генерала Алексеева, был дан наказ представителям армии, разосланным в разные города, для общего руководства:

II. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.

III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства.

IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками.

Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых.

V. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности Русского государства, и на началах, указанных в 1914 году русским верховным главнокомандующим».

Оба эти обращения нашли живой отклик, но… не совсем сочувственный.

Офицерство не удовлетворялось осторожным «умолчанием» Алексеева – формулой, которая гласно не расшифровывалась, разделялась многими старшими начальниками и в цитированном мною выше письме[[38]] была высказана вполне откровенно:

> «…Добровольческая армия не считает возможным теперь же принять определенные политические лозунги ближайшего государственного устройства, признавая, что вопрос этот недостаточно еще назрел в умах всего русского народа и что преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач».

Еще менее, конечно, могло удовлетворить офицерство мое «непредрешение» и в особенности моя декларация с упоминанием об «Учредительном собрании» и «народоправстве». Начальники бригад доложили мне, что офицерство смущено этими терминами… Такое же впечатление произвели они в другом крупном центре противобольшевистского движения – Киеве. Генерал Лукомский писал мне в то время[[39]]:

> «… Я глубоко убежден, что это воззвание вызовет в самой армии и смущение, и раскол. В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука об руку. Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что поправение произошло громадное. Что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускает, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы. Вам необходимо высказаться более определенно и ясно…»

Милюков сообщал ЦК партии в Москву, что он «вступил уже в сношения с генералом Алексеевым, чтобы убедить его обратить Добровольческую армию на служение этой задаче…»[40]]. А князь Г. Трубецкой несколько позже в своем донесении «Правому центру» недоумевал: «… как все переменилось! Ведь, как это ни дико, но для штаба Добровольческой армии, например, позиция Милюкова слишком правая, ибо они все еще не отделались от полинявших побрякушек, вроде Учредительного собрания, и не высказались еще за монархию»[41]].

Атмосфера в армии сгущалась, и необходимо было так или иначе разрядить ее. Дав волю тогдашним офицерским пожеланиям, мы ответили бы и слагавшимся тогда настроениям значительных групп несоциалистической интеллигенции, но рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством, тогда не только не склонным к приятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей.

Мы решили поговорить непосредственно с офицерами.

В станичном правлении в Егорлыкской были собраны все начальники, до взводного командира включительно. Мы не сговаривались с генералом Алексеевым относительно тем беседы, но вышло так, что он говорил о немцах, а я о монархизме.

В пространной речи генерал Алексеев говорил о немцах, как о «враге – жестоком и беспощадном», таком же враге, как и большевики[42]]… Об их нечестной политике, об экономическом порабощении Украины… О колоссальных потерях немцев, об истощении духовных и материальных сил германской нации, о малых шансах ее на победу… О Восточном фронте… О том будущем, которое сулит России связь с Германией: «политически – рабы, экономически – нищие…» Словом, обосновал два наши положения:

1) Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен.

2) Пока – ни мира, ни войны.

Я сказал кратко и резко:

– Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны или мира, монархии или республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача – борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь

если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополчение, с которым теперь идут переговоры и которое вовсе не желает монархии, усилило Красную армию в предстоящем нашем походе? Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?

Хорошо – монархический флаг. Но за этим последует естественно требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца – греческого принца. Что же, и этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход – вера в своих руководителей. Кто верит нам – пойдет с нами, кто не верит – оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедля оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными.

Мои взгляды в отношении «политических лозунгов» несколько расходились с алексеевскими: генерал Алексеев принял формулу умолчания – отнюдь, конечно, не по двоедушию. Он не предусматривал насильственного утверждения в стране монархического строя, веря, что восприятие его совершится естественно и безболезненно. У нас – мои взгляды разделяли всецело Романовский и Марков – не было такой веры. Мы стояли поэтому совершенно искренне на точке зрения более полного непредрешения государственного строя.

Я говорил об этом открыто всегда. В начале – так же, как и в конце своего командования. Через полтора года на Верховном Круге в Екатеринодаре мне опять придется коснуться этого вопроса[[43]]:

> «…Счастье Родины я ставлю на первом плане. Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления – я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно,

что народ русский в массе желает той или другой власти. И поверьте, все ваши предрешения праздны. Народ сам скажет, чего он хочет. И скажет с такой силою и с таким единодушием, что всем нам – большим и малым законодателям – придется только преклониться перед его державной волей».

Как бы то ни было, два основных положения – непредрешение формы государственного строя и невозможность сотрудничества с немцами – фактически нами были соблюдены до конца. Помню только два случая некоторого колебания, испытанного генералом Алексеевым… В конце августа или начале сентября, будучи с армией в походе, я получил от него письмо; под влиянием доклада адмирала Ненюкова генерал Алексеев высказывал взгляд относительно возможности войти в соглашение с германским морским командованием по частному поводу включения наших коммерческих судов Новороссийского порта в общий план черноморских рейсов, организуемых немцами. Предложение исходило от генерала Гофмана и являлось, очевидно, первым шагом к более тесным отношениям с австро-германцами. Генерал Алексеев пожелал знать мое мнение. Я ответил отрицательно, и вопрос заглох. Другой раз в Екатеринодаре я получил очередной доклад «Азбуки» с ярким изображением нарастающего монархического настроения и с указанием на непопулярность Добровольческой армии, не выносящей открыто монархического лозунга… На докладе была резолюция генерала Алексеева в таком смысле: «Надо нам, наконец, решить этот вопрос, Антон Иванович, – так дальше нельзя». Я зашел в тот же день с Романовским к генералу Алексееву.

– Чем объяснить изменение ваших взглядов, Михаил Васильевич? Какие новые обстоятельства вызвали его? Ведь настроение Дона, Кубани, ставропольских крестьян нам хорошо известно и далеко не благоприятно идее монархии. А про внутреннюю Россию мы ровно ничего не знаем…

Резолюция, по-видимому, была написана под влиянием минуты. Михаил Васильевич переменил разговор, и более этой темы до самой его смерти мы не касались.

Возвращаюсь к егорлыцкому собранию.

После моей речи генерал Марков попросил слова и от имени своей дивизии заявил, что «все они верят в своих вождей и пойдут за ними». То же сделал Эрдели[44]].

Мы ушли с собрания, не вынеся определенного впечатления об его результатах. Но к вечеру Марков, успевший поговорить со

многими офицерами, сказал:

– Отлично. Теперь публика поуспокоилась.

Глава III. Внутренняя жизнь Добровольческой армии: традиции, вожди и воины. Генерал Романовский. Кубанские настроения. Материальное положение. Сложение армии

Тяжело было налаживать и внутренний быт войск. Принцип добровольчества, привлекая в армию элементы стойкие и мужественные, вместе с тем создавал несколько своеобразные формы дисциплины, не укладывавшиеся в рамки старых уставов. Положение множества офицеров на должности простых рядовых изменяло характер взаимоотношений начальника и подчиненного; тем более, что сплошь и рядом благодаря новому притоку укомплектования рядовым бывал старый капитан, а его ротным командиром – подпоручик. Совершенно недопустимо было ежедневно менять начальников по приходе старших. Доброволец, беспрекословно шедший под огонь и на смерть, в обыкновенных условиях – на походе и отдыхе – не столь беспрекословно совершал не менее трудный подвиг повиновения. Добровольцы были морально прикреплены к армии, но не юридически. Создался уклад, до некоторой степени напоминавший удельно-вечевой период, когда «дружинники, как люди вольные, могли переходить от одного князя на службу другому».

Не менее трудно было установить правильные отношения со старшими начальниками. Необычайные условия формирования армии и ее боевая жизнь создавали некоторым начальникам наряду с известностью вместе с тем какой-то своеобразный служебный иммунитет. Не Кубанская Рада, а генерал Покровский благодаря личному своему влиянию собрал и привел в армию бригаду (потом дивизию) кубанских казаков, вооруженную и даже хорошо сколоченную за время краткого похода. И когда кубанское правительство настойчиво просило устранить его с должности, выдвигая не слишком обоснованное обвинение в безотчетном израсходовании войсковых сумм в бытность его командующим войсками, явилось большое сомнение в целесообразности этого шага…

Своим трудом, кипучей энергией и преданностью

национальной идее Дроздовский создал прекрасный отряд из трех родов оружия и добровольно присоединил его к армии. Но и оценивал свою заслугу не дешево. Позднее, как-то раз обиженный замечанием по поводу неудачно проведенной им операции, он писал мне: «…Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а может быть, и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней (мне), пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне…»[45]]

Рапорт Дроздовского – человека крайне нервного и вспыльчивого – заключал в себе такие резкие и несправедливые нападки на штаб и вообще был написан в таком тоне, что, в видах поддержания дисциплины, требовал новой репрессии, которая повлекла бы, несомненно, уход Дроздовского. Но морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами. Так же восприняли бы этот факт и в 3-й дивизии… Принцип вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я, переживая остро этот эпизод, поделился своими мыслями с Романовским.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, вопрос уже исчерпан.

– Как?

– Я написал вчера еще Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его командующему я не мог.

– Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову…

– Это не важно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости, раздражении. Теперь, поуспокоившись, сам, наверно, рад такому исходу.

Прогноз Ивана Павловича оказался правильным: вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел часто 3-ю дивизию и Дроздовского. Последний был корректен, исполнителен и не говорил ни слова о своем рапорте. Но слухи об этом эпизоде проникли в армию и дали повод клеветникам чернить память Романовского:

– Скрывал правду от командующего!..

Высокую дисциплину в отношении командования проявляли генерал Марков и полковник Кутепов. Но и с ними были осложнения… Кутепов на почве брожения среди гвардейских офицеров, неудовлетворенных «лозунгами» армии, завел речь о своем уходе. Я уговорил его остаться. Марков после одной

небольшой операции в окрестностях Егорлыкской, усмотрел в сводке, составленной штабом, неодобрение его действиям, прислал мне рапорт об увольнении своем от службы. Разве возможен был уход Маркова? Генерала легендарной доблести, который сам в боевом активе армии был равноценен дивизии… Поехал Иван Павлович в Егорлыкскую к своему близкому – еще со времен молодости – другу извиняться за штаб…

Подчинявшиеся во время боевых операций всецело и безотказно моим распоряжениям, многие начальники с чрезвычайной неохотой подчинялись друг другу, когда обстановка требовала объединения групп. Сколько раз впоследствии приходилось мне командовать самому на частном фронте в ущерб общему ведению операции, придумывать искусственные комбинации или предоставлять самостоятельность двум-трем начальникам, связанным общей задачей.

Приказ, конечно, был бы выполнен, но… неискренне, в несомненный ущерб делу.

Так шли дни за днями, и каждый день приносил с собою какое-нибудь новое осложнение, новую задачу, предъявляемую выбитой из колеи армейской жизнью. Выручало только одно: над всеми побуждениями человеческими у начальников в конце концов все же брало верх чувство долга перед Родиной.

Особое положение занимал И. П. Романовский. Я не часто упоминаю его имя в описании деятельности армии. Должность начальника штаба до известной степени обезличивает человека. Трудно разграничить даже и мне степень участия его в нашей идейной работе по направлению жизни и операций армии при той интимной близости, которая существовала между нами, при том удивительном понимании друг друга и общности взглядов стратегических и политических.

Романовский был деятельным и талантливым помощником командующего армией, прямолинейным исполнителем его предначертаний и преданным другом. Другом, с которым я делил нравственную тяжесть правления и командования и те личные переживания, которые не выносятся из тайников души в толпу и на совещания. Он платил таким же отношением. Иногда – в формах трогательных и далеко не безопасных. «Иван Павлович имел всегда мужество, – говорит один из ближайших его сотрудников по штабу, – принимать на себя разрешение всех, даже самых неприятных вопросов, чтобы оградить от них своего начальника».

Генерал Романовский был вообще слишком крупной величиной сам по себе и занимал слишком высокое положение, чтобы не стать объектом общественного внимания.

В чем заключалась тайна установившихся к нему враждебных отношений, которые и теперь еще прорываются дикой, бессмысленной ненавистью и черной клеветой? Я тщательно и настойчиво искал ответа в своих воспоминаниях, в письменных материалах, оставшихся от того времени, в письмах близких ему людей, в разговорах с соратниками, в памфлетах недругов… Ни одного реального повода – только слухи, впечатления, подозрительность.

Служебной деятельностью начальника штаба, ошибками и промахами нельзя объяснить создавшегося к нему отношения. В большом деле ошибки неизбежны. Было ведь много учреждений, несравненно более «виновных», много грехов армии и властей, неизмеримо более тяжелых. Они не воспринимались и не осуждались с такой страстностью.

Но стоит обратить внимание, откуда исключительно шли и идут все эти обвинения, и станет ясным их чисто политическая подкладка. Самостоятельная позиция командования, не отдававшего армии в руки крайних правых кругов, была причиной их вражды и поводом для борьбы – теми средствами, которые присущи крайним флангам русской общественности. Они ополчились против командования и прежде всего против генерала Алексеева, который представлял политическую идеологию армии.

Для начала они слагали только репутации.

Самый благородный из крайних правых граф Келлер, рыцарь монархии и династии, человек прямой и чуждый интриги, но весьма элементарного политического кругозора, искренне верил в легенду о «мятежном генерал-адъютанте», когда писал генералу Алексееву: «Верю, что Вам, Михаил Васильевич, тяжело признаться в своем заблуждении; но для пользы и спасения родины и для того, чтобы не дать немцам разрознить последнее, что у нас еще осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично все же приписываю любви Вашей к России и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законного царя…»

Руководители Астраханской армии еще летом 18 года говорили представителям «Правого центра»: «В Добровольческой армии должна быть произведена чистка… В составе командования имеются лица, противящиеся по существу провозглашению монархического принципа, например, генерал Романовский…»

«Относительно Добровольческой армии, – сообщала нам организация Шульгина, – Совет монархического блока решил

придерживаться такой тактики: самой армии не трогать, а при случае даже подхваливать, но зато всемерно, всеми способами травить и дискредитировать руководителей армии. На днях правая рука герцога Г. Лейхтенбергского Акацатов в одном доме прямо сказал, что для России и дела ее спасения опасны не большевики, а Добровольческая армия, пока во главе ее стоит Алексеев, а у последнего имеются такие сотрудники, как Шульгин…» Такая политика «правых большевиков», по выражению «Азбуки», приводила в смущение даже просто правых. Александр Бобринский на днях говорил: «Я боюсь не левых, а крайних правых, которые, еще не победив, проявляют столько изуверской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно…»

Такое же настроение создавалось в соответственных кругах, группировавшихся в армии и возле армии, и такая же тактика применялась ими.

Как составлялись репутации в армии, или, вернее, для армии, об этом свидетельствует письмо ко мне генерала Алексеева, относящееся к этому периоду[[46]]: в заседании донского правительства (24–25 июня) атаман, по словам М. В., заявил: «Ему достоверно известно, что в армии существует раскол – с одной стороны, дроздовцы, с другой – алексеевцы и деникинцы. Дроздовцы будто бы определенно тянут в сторону „Юго-Восточного союза“… В той группе, которую Краснов называет общим термином „алексеевцы и деникинцы“, тоже, по его мнению, идет раскол; я числюсь монархистом, это заставляет будто бы некоторую часть офицерства тяготеть ко мне; Вы же, а в особенности Иван Павлович, считаетесь определенными республиканцами и чуть ли не социалистами. Несомненно, это отголоски, как я полагаю, наших разговоров об Учредительном собрании…»

Человек серьезный, побывавший в Киеве и имевший там общение со многими военными и общественными кругами, говорит о вынесенных оттуда впечатлениях[[47]]:

> «В киевских группах создалось неблагоприятное и притом совершенно превратное мнение о Добровольческой армии. Более всего подчеркивают социалистичность армии… Говорят, что идеалами армии является Учредительное собрание, притом прежних выборов… что Авксентьев, Чернов, пожалуй, Керенский и прочие господа – вот герои Добровольческой армии, но мы ведь знаем, что можно ждать от них…»

Атака пошла против всего высшего командования. Но силы атакующих были еще слишком ничтожны, а авторитет генерала Алексеева слишком высок, чтобы работа их могла увенчаться серьезным успехом. С другой стороны, крепкая связь моя с основными частями армии и неизменные боевые успехи ее делали, вероятно, дискредитирование командующего нецелесообразным и, во всяком случае, нелегким… Главный удар поэтому пришелся по линии наименьшего сопротивления.

От времени до времени в различных секретных донесениях, в которых описывались настроения армии и общества, ставилось рядом с именем начальника штаба сакраментальное слово «социалист». Нужно знать настроение офицерства, чтобы понять всю ту тяжесть обвинения, которая ложилась на Романовского. Социалист – олицетворение всех причин, источник всех бед, стрясшихся над страной… В элементарном понимании многих в этом откровении относительно начальника штаба находили не раз объяснения все те затруднения, неудачи, неустройства, которые сопутствовали движению армии и в которых повинны были судьба, я, штаб, начальники или сама армия. Даже люди серьезные и непредубежденные иногда обращались ко мне с доброжелательным предупреждением:

– У вас начальник штаба – социалист.

– Послушайте, да откуда вы взяли это, какие у вас данные?

– Все говорят.

Слово было произнесено и внесло отраву в жизнь.

Затем началась безудержная клевета.

Только много времени спустя я мог уяснить себе всю глубину той пропасти, которую рыли черные руки между Романовским и армией.

Обвинения были неожиданны, бездоказательны, нелепы, всегда безличны и поэтому трудно опровержимы. «Мне недавно стало известным, – говорит генерал, непосредственно ведавший организационными вопросами, – что еще в 1918 году готовилось покушение на Ивана Павловича за то, что он якобы противодействовал формированию одной из Добровольческих дивизий…» Ну можно ли это изобрести про начальника штаба, только и думающего о развитии мощи армии и больше всего о добровольцах?.. Один из друзей Романовского, бывший и оставшийся монархистом и правым, описывает ту «атмосферу интриг», которая охватила его осенью 18 года, когда он приехал в Екатеринодар: «Многие учли мой приезд – человека, близкого к Ивану Павловичу, как могущего влиять на него, и стали внушать мне, что он злой гений Добровольческой армии, ненавистник

гвардии, виновник гибели лучших офицеров под Ставрополем… С мыслью влиять через меня на Ивана Павловича, а следовательно, и на командующего армией расстались не сразу. И месяца два моя скромная квартира не раз посещалась людьми, имевшими целью убедить меня, какой талантливый и глубоко государственный человек Кривошеин и т. д. Посещения эти резко оборвались, как только убедились в несклонности моей к политической интриге…»

Психология общества, толпы, армии требует «героев», которым все прощается, и «виновников», к которым относятся беспощадно и несправедливо. Искусно направленная клевета выдвинула на роль «виновника» генерала Романовского. Этот «Барклай де Толли» добровольческого эпоса принял на свою голову всю ту злобу и раздражение, которые накапливались в атмосфере жестокой борьбы.

К несчастью, характер Ивана Павловича способствовал усилению неприязненных к нему отношений. Он высказывал прямолинейно и резко свои взгляды, не облекая их в принятые формы дипломатического лукавства. Вереницы бывших и ненужных людей являлись ко мне со всевозможными проектами и предложениями своих услуг: я не принимал их; мой отказ приходилось передавать Романовскому, который делал это сухо, не раз с мотивировкой, хотя и справедливой, но обидной для просителей. Они уносили свою обиду и увеличивали число его врагов. Я помню, как однажды после горячего спора о присоединении к армии одного отряда на полуавтономных началах Иван Павлович за столом у меня в большом обществе обмолвился фразой:

– К сожалению, к нам приходят люди с таким провинциальным самолюбием…

В начальнике отряда – человеке доблестном, но своенравном – он нажил врага… до смерти.

Весь ушедший в дело, работавший до изнеможения, он не умел показать достаточно внимания, приласкать тех служилых людей, которые с утра до вечера толпились со своими нуждами в его приемной. Они уносили также в полки, в штабы, в общество представление о «черством, бездушном формалисте»… И только немногие близкие знали, какой бесконечной доброты полон был этот «черствый» человек и скольких людей – даже враждебных ему – он выручал, спасал от беды, иногда от смерти…

Об отношении к себе в армии и обществе Иван Павлович знал и болел душой.

– Отчего меня так не любят?..

Этот вопрос он задал одному из своих друзей, вращавшихся в

армейской гуще, и получил ответ:

– Не умеешь расположить к себе людей.

Однажды со скорбной улыбкой он и ко мне обратился со своим недоумением…

– Иван Павлович, вы близки ко мне. Известные группы стремятся очернить вас в глазах армии и моих. Им нужно устранить вас и поставить возле меня своего человека. Но этого никогда не будет.

Кубанские казаки, входившие в состав армии, в массе своей мало интересовались пока еще «ориентациями» и «лозунгами» и, стоя на самой границе свой области, томились ожиданием наступления и освобождения своих станиц. Кубанское офицерство разделяло мятущееся настроение всего добровольчества.

Атаман и правительство придерживались союза с Добровольческой армией, не желая рисковать им для новых комбинаций. 2 мая в заседании Рады были установлены основные положения кубанской политики:

> «1) Необходимость продолжения героической деятельности Добровольческой армии, действующей в полном согласии с кубанским правительством…
>
> 2) В настоящее время вооруженная борьба с центральными державами является нецелесообразной… но необходимо принять все меры для предотвращения… продвижения германской армии в пределы (края) без согласия на то кубанского правительства…
>
> 3) Необходимо полное единение с Доном.
>
> 4) Для заключения (союза) с Доном, выяснения целей германского движения и определения отношений с Украиной… отправить в Новочеркасск, Ростов и Киев делегации»[[48]].

Назначение последних двух делегаций вызывало некоторое опасение и у нас, и у атамана, оказавшееся необоснованным. Делегация на Украину, добивавшаяся помощи материальной – военным снабжением и дипломатической – «чтобы на мирной конференции между Украиной и Советской республикой Кубанский край не был включен в состав РСР», не достигла цели. Германское правительство дало понять делегации, предлагавшей «федерацию», что «без включения Кубанского края в состав Украинской республики на автономных правах (оно) не сможет оказать помощи Кубани…» В среде кубанских правителей возникло опасение, что «при соединении на этих началах с

Украиной для немцев возникнет возможность распространить на Кубань силу договора, заключенного Германией с Украиной со всеми последствиями»[[49]].

Вопрос остался открытым.

Точно так же непосредственные сношения с немцами в Ростове ограничились взаимным осведомлением, а переговоры о Доно-Кавказском союзе, как я говорил ранее, усиленно затягивались кубанцами. Кубанский дипломат Петр Макаренко неизменно проводил взгляд, что «кубанцы не являются противниками идеи „Юго-Восточного союза“, но воплощение его в жизнь в спешном порядке при настоящих условиях не является приемлемым».

Атаман, Рада и правительство больше всего опасались, чтобы Добровольческая армия не покинула Кубани, отдав ее на растерзание большевиков, и чтобы на случай нашего ухода на север область была обеспечена теперь же своей армией. Последнее требование, имевшее главным мотивом упрочение политического значения кубанской власти, привело бы к полной дезорганизации армии и встретило поэтому решительный отказ командования.

Между тем в самой среде кубанцев шла глухая внутренняя борьба. С одной стороны, социалистическое правительство и Рада, с другой, кубанское офицерство возобновили свои старые незаконченные счеты. На этот раз с офицерством шел атаман, полковник Филимонов, поддерживавший периодически то ту, то другую сторону. Назревал переворот, имевший целью установление единоличной атаманской власти.

30 мая состоялось в Мечетинской собрание, на котором атаман перечислял вины правительства и Рады, «расхитивших его власть». Офицерство ответило бурным возмущением и недвусмысленным призывом – расправиться со своей революционной демократией. Поздно ночью ко мне пришли совершенно растерянные Быч – председатель правительства и полковник Савицкий – член правительства по военным делам; они заявили, что готовы уйти, если их деятельность признается вредной, но просили оградить их от самосуда, на который толкает офицерство атаман.

Переворот мог вызвать раскол среди рядового казачества, а главное, толкнуть свергнутую кубанскую власть в объятия немцев, которые, несомненно, признали бы ее, получив легальный титул для военного и политического вторжения на Кубань. Поэтому в ту же ночь я послал письмо полковнику Филимонову, предложив ему не осложнять и без того серьезный кризис Добровольческой армии.

Впоследствии полковник Филимонов в кругу лиц, враждебных революционной демократии, не раз говорил:

– Я хотел еще в Мечетке покончить с правительством и Радой, да генерал Деникин не позволил.

Так же отрицательно отнеслись к этому факту и общественные круги, близкие к армии; в них создалось убеждение, что «тогда, на первых порах, была допущена роковая ошибка, которая отразилась в дальнейшем на всем характере отношений Добровольческой армии и Кубани…»

Я убежден, что прийти в Екатеринодар – если бы нас не предупредили там немцы – с одним атаманом было делом совершенно легким. Но долго ли он усидел бы там – не знаю. В то время во всех казачьих войсках было сильное стремление к народоправству не только в силу «завоеваний революции», но и «по праву древней обыкновенности». Во всяком случае, то, что сделал на Дону Краснов, оставив внешний декорум «древней обыкновенности» и сосредоточив в своих руках единоличную власть, было не под силу Филимонову.

Как бы то ни было, в лице кубанского казачества армия имела прочный и надежный элемент. Офицерство почти поголовно исповедовало общерусскую национальную идею; рядовое казачество шло за своими начальниками, хотя многие и руководствовались более житейскими мотивами: «Они только и думают? – говорил на заседании Рады один кубанский деятель? – как бы скорее вернуться к своим хатам, своим женам; они теперь охотно пойдут бить большевиков, но именно, чтобы вернуться домой».

Финансовое положение армии было поистине угрожающим.

Наличность нашей казны все время балансировала между двухнедельной и месячной потребностью армии. 10 июня, то есть в день выступления армии в поход, генерал Алексеев на совещании с кубанским правительством в Новочеркасске говорил:

> «…теперь у меня есть четыре с половиной миллиона рублей. Считая поступающие от донского правительства 4 миллиона, будет 8½ миллионов. Месячный расход выразится в 4 миллиона рублей. Между тем, кроме указанных источников (ожидание 10 миллионов от союзников и донская казна), денег получить неоткуда… За последнее время получено от частных лиц и организаций всего 55 тысяч рублей. Ростов, когда там был приставлен нож к горлу, обещал дать 2 миллиона… Но когда… немцы обеспечили жизнь богатых людей, то

оказалось, что оттуда ничего не получим… Мы уже решили в Ставропольской губернии не останавливаться перед взиманием контрибуции, но что из этого выйдет, предсказать нельзя»[50]].

30 июня генерал Алексеев писал мне, что, если ему не удастся достать 5 миллионов рублей на следующий месяц, то через 2–3 недели придется поставить бесповоротно вопрос о ликвидации армии…

Ряду лиц, посланных весной 18 года в Москву и Вологду[51]], поручено было войти по этому поводу в сношения с отечественными организациями и с союзниками; у последних, как указывал генерал Алексеев, «не просить, а требовать помощи нам» – помощи, которая являлась их нравственной обязанностью в отношении русской армии… Денежная Москва не дала ни одной копейки. Союзники колебались: они, в особенности французский посол Нуланс, не уяснили себе значения Северного Кавказа, как флангового района в отношении создаваемого Восточного фронта и как богатейшей базы для немцев в случае занятия ими этого района.

После долгих мытарств для армии через «Национальный центр» было получено генералом Алексеевым около 10 миллионов рублей, то есть полутора-двухмесячное ее содержание. Это была первая и единственная денежная помощь, оказанная союзниками Добровольческой армии.

Некто Л., приехавший из Москвы для реализации 10-миллионного кредита, отпущенного союзниками, обойдя главные ростовские банки, вынес безотрадное впечатление: «…по заверениям (руководителей банков), все капиталисты, а также и частные банки держатся выжидательной политики и очень не уверены в завтрашнем дне».

В таком же положении было и боевое снабжение. Получили несколько десятков тысяч ружейных патронов и немного артиллерийских от Войска Донского; Дроздовский привез с собой свыше миллиона патронов и несколько тысяч снарядов. Это были до смешного малые цифры, но мы давно уже не привыкли к таким масштабам и поэтому положение нашего парка считали почти блестящим. Техническая часть? Кроме полевых пушек 2 мортиры, 1 гаубица, 1 исправный броневой автомобиль… Было смешно и трогательно видеть, как весь гарнизон станицы Егорлыкской ликовал при виде отбитого 31 мая у большевиков испорченного броневика «Смерть кадетам и буржуям» и с какою радостью потом мечетинский гарнизон смотрел на этот броневик, преображенный

в «Генерала Корнилова» и появившийся на станичных улицах. Несколько дней и ночей, чтобы поспеть к походу, чинили его в станичной кузнице офицеры – уставшие и вымазанные до ушей, но теперь торжественно-серьезные…

Генерал Алексеев выбивался из сил, чтобы обеспечить материально армию, требовал, просил, грозил, изыскивал всевозможные способы, и все же существование ее висело на волоске. По-прежнему главные надежды возлагались на снабжение и вооружение средствами… большевиков. Михаил Васильевич питал еще большую надежду на выход наш на Волгу. «Только там могу я рассчитывать на получение средств, – писал он мне. – Обещания Парамонова… в силу своих отношений с царицынскими кругами обеспечить армию необходимыми ей денежными средствами разрешат благополучно нашу тяжкую финансовую проблему».

В таких тяжелых условиях протекала наша борьба за существование армии. Бывали минуты, когда казалось, все рушится, и Михаил Васильевич с горечью говорил мне:

– Ну что же, соберу все свои крохи, разделю их по-братски между добровольцами и распущу армию…

Но мало-помалу горизонт стал проясняться.

Еще в мае Покровский привел конную кубанскую бригаду, которая удивила всех своим стройным – как в дореволюционное время – учением; 3 июня к нам пришел из большевистского района полк мобилизованных там казаков; через два дня гарнизон Егорлыкской с недоумением прислушивался к сильному артиллерийскому гулу, доносившемуся издалека: то вели бой с большевиками отколовшиеся от Красной армии и в тот же день пришедшие к нам в Егорлыкскую одиннадцать сотен кубанских казаков.

В конце мая прибыла и долгожданная бригада Дроздовского.

В яркий солнечный день у околицы Мечетинской на фоне зеленой донской степи и пестрой радостной толпы народа произошла встреча тех, кто пришли из далекой Румынии, и тех, кто вернулись с 1-го Кубанского похода. Одни – отлично одетые, подтянутые, в стройных рядах, почти сплошь офицерского состава… Другие – «в пестром обмундировании, в лохматых папахах, с большими недочетами в равнении и выправке – недочетами, искупавшимися боевой славой добровольцев»[[52]].

Встреча была поистине радостная и искренняя.

С глубоким волнением приветствовали мы новых соратников. Старый вождь, генерал Алексеев, обнажил седую голову и отдал низкий поклон «рыцарям духа, пришедшим издалека и влившим в нас новые силы…»

И в душу закрадывалась грустная мысль: почему их только три тысячи?[53]] Почему не 30 тысяч прислали к нам умиравшие фронты великой некогда русской армии?..

Впрочем, мало-помалу начали поступать и другие укомплектования. Во многих пунктах были уже образованы «центры» Добровольческой армии и «вербовочные бюро». Они снабжались почти исключительно местными средствами – добровольными пожертвованиями, так как армейская казна была скудна, и генерал Алексеев мог посылать им лишь совершенно ничтожные суммы[54]]. В городах, освобожденных от большевиков, сталкивались «вербовщики» нескольких армий, в том числе и самостоятельные вербовщики бригады Дроздовского. Все они применяли нередко неблаговидные приемы конкуренции, запутывая и без того сбитое с толку офицерство. Тем не менее оно текло в армию десятками, сотнями, привозя иногда разобранные ружья и пулеметы; прилетали и «сбежавшие» из-под охраны немцев и большевиков аэропланы…

В самый острый период армейского кризиса, когда начался отлив из армии под формальным предлогом окончания четырехмесячного договорного срока службы, я приказал увольнять всех желающих в трехнедельный отпуск: захотят – вернутся, нет – их добрая воля.

В последние дни перед началом похода мимо дома, в котором я жил, на окраине станицы, по большой манычской дороге днем и ночью тянулись подводы: возвращались отпускные. Приобщившись на время к вольной, мирной жизни, они бросили ее вновь и вернулись в свои полки и батарей для неизвестного будущего, для кровавых боев, несущих с собою новые страдания, быть может, смерть.

Добровольческая армия сохранилась.

Глава IV. Второй Кубанский поход. Силы и средства сторон. Театр. План операции

К началу 2-го Кубанского похода, то есть в июне месяце 1918 года, состав Добровольческой армии был следующий:

Штаб армии:

Начальник штаба генерал Романовский. Начальник строевого отдела[[55]] генерал Трухачев. Начальник снабжения полковник Мальцев. Инспектор артиллерии генерал Невадовский. Начальник санитарной части Н. М. Родзянко.

1-я дивизия (генерал Марков):

1-й Офицерский пехотный полк[[56]].

1-й Кубанский стрелковый полк.

1-й конный полк[[57]].

1-я отдельная легкая батарея (3 орудия).

1-я инженерная рота.

2-я дивизия (генерал Боровский):

Корниловский ударный полк.

Партизанский пехотный полк.

Улагаевский пластунский батальон.

4-й Сводно-кубанский полк (конный).

2-я отдельная легкая батарея (3 орудия).

2-я инженерная рота.

3-я дивизия (полковник Дроздовский):

2-й Офицерский стрелковый полк.

2-й конный полк[[58]].

3-я отдельная легкая батарея (6 орудий).

Конно-горная батарея (4 орудия).

Мортирная батарея (2 мортиры).

3-я инженерная рота[[59]].

1-я конная дивизия[[60]] (генерал Эрдели):

1-й Кубанский казачий полк.

1-й Черкесский конный полк.

1-й Кавказский казачий полк.

1-й Черноморский казачий полк.

1-я Кубанская казачья бригада (генерал Покровский):

2-й Кубанский казачий полк.
3-й Кубанский казачий полк.
Взвод артиллерии (2 орудия).
Кроме того: пластунский батальон, одна гаубица и бронеавтомобили «Верный», «Корниловец» и «Доброволец»[[61]].

Всего в армии состояло 5 полков пехоты, 8 конных полков, 5½ батарей, общей численностью 8½ -9 тысяч штыков и сабель и 21 орудие.

На первый период операции армии был подчинен отряд донских ополчений полковника Быкадорова силою около 3½ тысяч с 8 орудиями; отряд этот действовал по долине Маныча.

Против нас на Северном Кавказе располагалась Северо-Кавказская Красная армия, плохо подчинявшаяся центру и непрочно связанная внутри ввиду соревнования самостоятельных республик – Кубанской, Черноморской, Терской и Ставропольской[[62]].

Главнокомандующим был Автономов, который за все время своего пребывания во главе войск, с 1 апреля по 10 мая, вел ожесточенную борьбу с гражданской властью Кубано-Черноморской республики (ЦИК). Его поддерживали войсковые начальники, в том числе Сорокин. В начале апреля ЦИК, боявшийся диктаторских стремлений Автономова, отрешил его от командования и должность главнокомандующего заменил «чрезвычайным штабом обороны», в который вошло семь штатских большевиков. Автономов выехал в Тихорецкую и выступил открыто против своего правительства. Началась своеобразная «полемика» путем воззваний и приказов. В них члены ЦИК именовались «немецкими шпионами и провокаторами», а Автономов и Сорокин – «бандитами и врагами народа», на головы которых призывались «проклятия и вечный позор». В распре приняла участие и армия, которая на фронтовом съезде в Кущевке постановила «сосредоточить все войска Северного Кавказа под командой Автономова… категорически потребовать (от центра) устранения вмешательства гражданских властей и упразднить „чрезвычайный штаб“.

Спор решила Москва, дав 14 мая Автономову почетное, но бездеятельное назначение «инспектора и организатора войсковых частей Кавказского фронта» и назначив военным руководителем генерального штаба генерал-майора Снесарева.

Снесарев осел в Царицыне, откуда и правил фиктивно, так как со взятием нами Торговой (12 июня) почти всякая связь его с

северокавказскими войсками была утеряна. Фактически командовал Калнин – латыш, кажется, подполковник, имевший свой штаб в Тихорецкой.

После разгрома большевиков под Тихорецкой и Кущевкой Снесарев был обвинен в «контрреволюции» и смещен; 21 июля, за несколько дней до падения Екатеринодара, главнокомандующим был назначен «бандит и провокатор» Сорокин, которого официальные «Известия» переименовали в «спасителя республики».

Силы северокавказских войск не поддавались точному учету. Их не знали точно ни мы, ни всероссийский генеральный штаб, ни даже штаб Калнина. Постоянно появлялись какие-то новые части, наименования которых через неделю исчезали бесследно, создавались крупные крестьянские ополчения, которые после неуспеха или занятия добровольцами района их формирования рассасывались незаметно по своим селам.

Главнейшие группы красных сил располагались следующим образом[[63]]: 1. В районе Азов-Кущевка-Сосыка стояла армия Сорокина в 30–40 тысяч при 80–90 орудиях и двух бронепоездах, имея фронт на север против Ростова (немцы) и на северо-восток против донцов и добровольцев. Эта группа состояла главным образом из бывших солдат Кавказского фронта и отступивших весною с Украины отрядов; отличалась более правильной организацией и дисциплиной и имела во главе начальника наиболее популярного.

Часть войск Сорокина предприняла весною наступление против Добровольческой армии, 19 мая подступила к самой станице Мечетинской, но концентрическим наступлением двух колонн (из Мечетинской и Егорлыкской) я опрокинул большевиков за Гуляй-Борисовку. С тех пор до конца июня на этом фронте было покойно.

2. В районе по линии железной дороги Тихорецкая – Торговая и к северу от нее располагались многочисленные, не объединенные отряды общей численностью до 30 тысяч со слабой артиллерией. В числе их находились получившие впоследствии боевую известность пехотная бригада, называвшая себя «железной», Жлобы и конная Думенко. Состояли эти части главным образом из фронтовиков и крестьян Ставропольской губернии, остатков частей бывшего Кавказского фронта, отчасти из мобилизованных кубанских казаков. Эти войска тревожили постоянно наше расположение у Егорлыкской.

3. В углу, образуемом реками Манычем и Салом, имея центром Великокняжескую, располагалось 5 отрядов силою до 12 тысяч при 17 орудиях, объединенных одно время под командой

Васильева. Состав их – однородный с отрядами второй группы, только вместо кубанских казаков в них входили сотни донских – большевиков. На этом фронте происходили постоянные стычки с донскими отрядами Быкадорова.

4. Кроме этих трех групп во многих крупных городах и на железнодорожных станциях расположены были сильные гарнизоны из трех родов оружия[64]].

Снабжались оружием и боевыми припасами красные войска Северного Кавказа из остатков прежних военных складов Кавказского фронта, путем отобрания от населения, отчасти организацией производства в Армавире, Пятигорске, Георгиевске и подвозом сначала из Царицына, потом с потерей железной дороги кружным и тяжелым грунтовым путем из Астрахани через Святой Крест. Во всяком случае, нас поражало обилие снарядов и патронов у большевиков; ураганному подчас огню их приходилось противоставлять только дисциплину боя и… доблесть войск.

В общей сложности в предстоящей операции Добровольческую армию ожидала встреча с 80-100 тысячами большевистских войск – частью уже знакомых нам по первому походу, частью еще неизведанной силы и духа. В состав их входило немало надежных в военном отношении и тяготевших всецело к Советской власти кадров тех отрядов, которые под давлением немцев отошли за Дон с Украины, Крыма и Донской области. Наконец, в то время, как солдаты русских армий европейского фронта распылялись свободно по всему необъятному пространству России, войска Кавказского фронта, не попавшие в черноморскую эвакуацию, были зажаты в тесном районе между Доном и Кавказским хребтом став неистощимым и хорошо подготовленным материалом для комплектования Северо-Кавказской Красной армии.

Театр войны во 2-м Кубанском походе обнимал Задонье, Ставропольскую губернию, Кубанскую область и Черноморскую губернию[65]].

Этот край прорезывали две главных линии Владикавказской железной дороги: 1) Ростов-Владикавказ и 2) Новороссийск-Царицын. Они связывали политические центры, отдельные армии и фронты большевиков; вторая, кроме того, была единственной железнодорожной артерией, соединяющей Кавказ с центром России. Это обстоятельство в связи с сосредоточением военных действий почти исключительно вдоль железнодорожных линий придавало особенное значение Владикавказской дороге и ее узловым станциям: Торговой, Тихорецкой, Кущевке, Кавказской, Екатеринодару. Сила и расположение неприятельских войск и

направление железнодорожных магистралей почти исчерпывали стратегические элементы операции; в остальном – преобладающее влияние имело политическое положение, которое являлось мощным орудием стратегии, но вместе с тем довлело над ее велениями.

Гражданская война подчиняется иным законам, чем война народов.

Остановимся вкратце на политическом положении края.

Задонье, занятое большевиками, разделялось резко на две части. Ростовский округ, населенный сплошь иногородними и насыщенный пришлыми войсками Сорокина, остановившими в нем жизнь, давно уже пережил увлечение большевизмом. Отрицательно относившиеся к казачьей власти и до большевиков, и после них, ростовские крестьяне чувствовали еще менее влечение к власти советов. Достойно внимания, что многие крестьянские депутаты округа еще на съезде 5-12 мая в городе Ростове, окруженные штыками и пулеметами красногвардейцев, имели мужество проявить свои истинные чувства: по вопросу о мобилизации для борьбы против белогвардейцев 51 голос был подан за мобилизацию, 44 против при 9 воздержавшихся… Иное положение было на Маныче и Сале[66]], где многолюдные и богатые крестьянские слободы[67]] дали преобладающий контингент красных отрядов, где они сами были хозяевами своей жизни и вершителями судеб старинного спора с казаками. Там иногороднее население было почти сплошь настроено большевистски, казаки пали духом, и продвижение по округу донских ополчений с севера шло поэтому чрезвычайно вяло и нерешительно.

«Ставропольская республика» самоуправлялась с января 18 года, имея свой собственный «совет народных комиссаров», который просуществовал только до марта, когда был свергнут красноармейцами. Присланный из Петрограда для организации Красной армии бывший жандармский ротмистр Коппе совместно с матросом Якшиным и несколькими солдатами поставил свой «совет», отличавшийся исключительным невежеством и жестокостью. Всей своей тяжестью совет обрушился на город Ставрополь, не имея еще достаточной силы распространить свое влияние по губернии; только со второй половины июня в ней начали работать карательные отряды.

«Демократические земства» и «социалистические думы» были разогнаны и заменены советами, попавшими всецело во власть солдатчины. Они – бывшие фронтовики – были хозяевами положения; они законодательствовали, взимали сборы, мобилизовали население, на районных съездах решали вопрос о

войне и мире. Губерния – исключительно земледельческая, богатая, в которой средний подворный надел составлял 20,6 десятины, и 70 процентов всей земли находилось во владении сельских обществ и крестьян. Остальные 30 процентов только что были поделены, и крестьяне не успели еще воспользоваться плодами своего приобретения. Осязательные выгоды нового строя сталкивались с тяжестью отрицательных сторон безвластья и беспорядка, вторгнувшихся в жизнь. Съезд фронтовиков и представителей северного района губернии колебался. В мае шли переговоры с ним моего штаба при посредстве подполковника Постовского о «сохранении нейтралитета» и беспрепятственном пропуске армии на Кубань для борьбы с Красной армией.

В самом Ставрополе настроение было иное. Бессмысленная и жестокая власть вооружила против себя всех, без различия убеждений, почти уничтожив политические и социальные грани и разделив население на две неравные части: угнетателей и угнетенных. Начавшийся в ночь на 20 июня особенно сильный террор уносил многочисленные жертвы, преимущественно из среды офицеров, зарегистрированных советом в числе около 900 человек. Под влиянием предстоящей неминуемой опасности уничтожения и ввиду слухов о приближении Добровольческой армии, которая к 27 июня подходила к селу Медвежьему[[68]], в этот день состоялось вооруженное выступление тайной офицерской организации, возглавлявшейся полковником Ртищевым. Малочисленное по числу участников и совершенно не подготовленное выступление это было кроваво подавлено. Почти все участники были перебиты в уличной схватке или казнены после жестоких истязаний. Террор усилился.

Под влиянием этих событий город замер и в мертвой тревоге ждал просвета. Вырвавшиеся из Ставрополя обреченные, в том числе представители социалистических земств и дум, обращались ко мне с мольбой о помощи. Деревня волновалась, и многие села склонялись к миру с Добровольческой армией. Но представители съезда северного района в начале июня прервали переговоры со штабом, и армия вынуждена была идти по Ставропольской губернии с тяжелыми боями, встретив на линии Торговая-Тихорецкая наряду с пришлыми отрядами Красной армии и многотысячное местное ополчение…

Жил еще в губернии народ глубоко мирный, трудолюбивый и темный – калмыки. На них больше, чем на кого-либо, обрушились громы революции; они всеми своими помыслами были на стороне Добровольческой армии, но не могли дать ей ни силы, ни помощи.

Совершенно иначе слагалась обстановка в «республике

Кубанской».

Я не буду останавливаться на деятельности трех последовательно сменявшихся «циков» и «народных комиссаров», в основу которой положено было несложное коммунистическое откровение: «организация крестьянской, казачьей и горской бедноты для борьбы с кулацкими элементами крестьянства и казачества». При этом казаки и горцы поголовно причислялись к разряду кулаков.

Результаты такой политики не замедлили сказаться очень скоро и получили справедливую оценку в устах самих же большевистских деятелей. Так, комиссар земледелия Вильямовский докладывал ЦИК: «идет сплошное уничтожение хозяйств, пропадает и живой, и мертвый инвентарь, приказы мои бессильны». Чрезвычайный съезд советов в июле в своем постановлении высказал осуждение «по вопросу о грабежах, насилиях и убийствах трудового горского народа (черкесов), творимых отдельными отрядами и жителями некоторых станиц, благодаря чему стерты с лица земли целые аулы и остатки их обречены на гибель и голодную смерть».

«Московский центр», приступая к «расказачиванию», делал это все же с некоторой осмотрительностью и постепенностью. Декрет от 30 апреля 18 года предусматривал, например, переход запасных, частновладельческих и других земель первоначально в руки войсковых комитетов, которые должны были, однако, распределить землю между всеми нуждающимися. Московское правительство допускало даже формирование казачьих частей Красной армии, «принимая при этом во внимание все бытовые и военные особенности казаков». Но правительства местных «республик», в том числе Кубанской, шли дальше, стремясь к немедленному и полному уничтожению казачества как сословия[[69]]. Земельная практика на Кубани приняла особенно тяжелые формы. «Казаков, – говорится в отчете комиссии[[70]], – своими руками вспахавших и засеявших свои земли, заставляли под пулеметами собрать весь урожай, обмолотить хлеб и тогда зерно и солому разделить между всеми жителями станицы…»[[71]].

Сопротивление вызывало «отъем», арест, застенок. Большинство иногородних принимало то или иное, хотя бы и косвенное участие в обездолении казачества.

Унижаемые морально, разоряемые материально и истребляемые физически, кубанские казаки скоро стряхнули с себя всякий налет большевизма и начали подниматься.

История казачьих восстаний трагична и однообразна. Возникавшие стихийно, разрозненно, без серьезной подготовки,

почти безоружными массами, они сопровождались первоначально некоторым успехом; но через 2–3 дня после сосредоточения красных войск казаки платились кроваво, погибая и в бою, и от рук палачей в своих станицах. Так, 27 апреля вспыхнуло восстание в семи станицах Ейского отдела и было задушено в два дня… В начале мая были массовые восстания в Екатеринодарском, Кавказском и других отделах… В июне восстало несколько станиц Лабинского отдела, пострадавших особенно жестоко: кроме павших в бою с большевиками было казнено 770 казаков. Отчет «Особой комиссии» полон описаниями потрясающих сцен бесчеловечной расправы. Вот, например, станица Чамлыкская:

> «12 июня партию казаков отвели к кладбищенской ограде… перекололи всех штыками, штыками же, как вилами, перебрасывали тела в могилу через ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли их в землю заживо. Зарывали казненных казаки же, которых выгоняли на работу оружием. Когда зарывали изрубленного шашками казака Седенко, он застонал и стал просить напиться. Большевики предложили ему попить крови из свежих ран зарубленных с ним станичников… Всего казнено в Чамлыкской 185 казаков. Трупы их по несколько дней оставались незарытыми; свиньи и собаки растаскивали по полям казачье тело …»

С Кубани шел стон, болезненно отзывавшийся в сердцах кубанцев, находившихся в рядах Добровольческой армии. Там ждали нас со страстным нетерпением.

В «Черноморской республике» не было крупных сил и серьезной военной организации. Когда начались восстания у северных границ губернии, а с юга – наступление грузин, главнокомандующий черноморскими силами Калнин[72]] доносил ЦИК: «Сдержать бегство солдат невозможно. Ради Бога, высылайте людей…» Комитет просил помощи у флота и получил отказ: Черноморский флот в то время решал на митингах вопрос своего дальнейшего существования. Половина ушла в Севастополь, в подчинение немцам, другая была затоплена на Новороссийском рейде. Это национальное бедствие имело только одно благоприятное для Добровольческой армии последствие: красный Новороссийск и Черноморье остались беззащитными. Они должны были неизбежно разделить участь Кубани.

В середине мая, когда решался план предстоящей операции,

не было еще ни поволжского, ни чехо-словацкого движения. Внешними факторами, обусловливавшими решение политической стороны вопроса, были только немцы, Краснов и гибнущая Кубань.

От того или иного решения вопроса зависела судьба армии и всего добровольческого движения…

Конечная цель его не возбуждала ни в ком сомнений: выход на Москву, свержение Советской власти и освобождение России. Разномыслие вызывали лишь пути, ведущие к осуществлению этой цели…

Я в полном согласии с генералом Романовским ставил ближайшей частной задачей армии освобождение Задонья и Кубани.

Исходили мы из следующих соображений:

1. Немедленное движение на север при условии враждебности немцев, которые могли сбросить нас в Волгу, при необходимости базирования исключительно на Дон и Украину, то есть области прямой или косвенной немецкой оккупации и при «нейтралитете» – пусть даже вынужденном – донцов, могли поставить армию в трагическое положение: с севера и юга – большевики, с запада – немцы, с востока – Волга. Что касается перехода армии за Волгу, то оставление в пользу большевиков богатейших средств Юга, отказ от людских контингентов, притекавших с Украины, Крыма, Северного Кавказа, словом, отказ от поднятия против Советской власти Юга России наряду с Востоком представлялся совершенно недопустимым. Он мог явиться лишь результатом нашего поражения в борьбе с большевиками или… немцами.

2. Освобождение Задонья и Кубани обеспечивало весь южный 400-верстный фронт Донской области и давало нам свободную от немецкого влияния обеспеченную и богатую базу для движения на север; давало приток укомплектовании надежным и воинственным элементом; открывало пути к Черному морю, обеспечивая близкую и прочную связь с союзниками в случае их победы; наконец, косвенно содействовало освобождению Терека.

3. Нас связывало нравственное обязательство перед кубанцами, которые шли под наши знамена не только под лозунгом спасения России, но и освобождения Кубани… Невыполнение данного слова имело бы два серьезных последствия: сильнейшее расстройство армии, в особенности ее конницы, из рядов которой ушло бы много кубанских казаков, и оккупация Кубани немцами. «Все измучились, – говорил генералу Алексееву председатель кубанского правительства Быч, – Кубань ждать больше не может… Екатеринодарская интеллигенция

обращает взоры на немцев. Казаки и интеллигенция обратятся и пригласят немцев…» Таманский отдел в конце мая после неудачного восстания сделал это фактически…

Генерал Алексеев по окончании 1-го похода испытывал приступы глубокого пессимизма. В его письме от 10 мая Милюкову изложены мотивы такого настроения: «1) Армия доживает последние гроши; 2) немцы, их скрытые политические цели и намерения; 3) личность (донского) атамана, генерала Краснова, его деятельность в октябре 1917 года, его отношение к Добровольческой армии; 4) беспомощность Кубани, невозможность и бесцельность повторения туда похода при данной обстановке, не рискуя погубить армию…»

Генерал Алексеев мучился гамлетовским вопросом: быть или не быть армии и «куда нам идти».

«На Кубани – гибель, – писал он. – На Кавказе – мало привлекательного и делать нечего. Генерал Краснов, беря начальственный тон по отношению к армии, указывает ей путь – скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске до создания регулярной Донской армии. Цель – сунув нас в непосильное предприятие, на пути к выполнению которого мы можем столкнуться с немцами, избавиться от нас на Дону…»

Тем не менее, не видя другого выхода, генерал Алексеев присоединился к нашему плану движения на Кубань.

15 мая, по моему приглашению, в станице Манычской состоялось совещание с генералом Красновым, в котором приняли участие генерал Алексеев, кубанский атаман Филимонов, генерал Богаевский и другие. «Тильзит», – как острили в армии. Совещание, имевшее кроме разрешения насущных вопросов еще и скрытую цель – сближение с донским атаманом, не привело к существенным результатам; от начала до конца оно велось в тоне весьма официальном и неискреннем.

Генерал Краснов настаивал на немедленном движении Добровольческой армии к Царицыну, где «есть пушки, снаряды и деньги, где настроение всей Саратовской губернии враждебно большевикам». Царицын должен был послужить в дальнейшем нашей базой. Я, поддержанный генералом Алексеевым и атаманом Филимоновым, изложил наши мотивы и настоял на своем плане. Второй вопрос о получении с Дона 6 миллионов рублей, следовавших армии по разверстке еще во время Каледина, вызвал неожиданный ответ Краснова:

– Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне.

Я ответил:

– Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные интересы.

Прочие менее важные вопросы прошли удовлетворительно, и мы разъехались, унося с собой чувство полной неудовлетворенности.

С тех пор в письмах, речах, обращениях к генералу Алексееву и Эльснеру генерал Краснов просил, скорбел, негодовал, призывая армию бросить Кубань и идти на Царицын. Он рисовал отчаянное положение нашей армии, когда она, двинувшись на Кубань, неминуемо «попадет в мешок между немцами и большевиками», обещал деньги, оружие, боевые припасы в случае решения моего идти на Царицын, где «Добровольческая армия приобретет возможность войти в связь с Дутовым или… переправиться на тот берег Волги…». Каким образом немцы могли допустить снабжение Добровольческой армии, присоединившейся к Восточному – противонемецкому фронту, я не мог понять. Из всех своих многочисленных бесед с Красновым Эльснер вынес весьма неопределенное впечатление:

> «Каковы тайные цели, которыми руководится Краснов?.. Может быть, он искренне желает оберечь Добровольческую армию от того тяжелого положения, в которое она может стать, столкнувшись с немцами. Может быть… ввиду худшего положения на Царицынском фронте Краснов, хотя и уверяет, что может взять Царицын собственными силами, хочет все же привлечь помощь армии в этом направлении… Может быть, предлагая Царицын за освобождение области от большевиков, Краснов хочет избавиться одновременно и от Добровольческой армии, которая причиняет ему все же много беспокойства и волнений…»[[73]]

Вначале генерал Алексеев, переехавший в конце мая в Новочеркасск, отстаивал твердо наше решение. По поводу нареканий Краснова он писал мне 5 июня: «Мы должны сохранить за собою полную свободу действий, не смущаясь ничьим неудовольствием». Но уже к концу июня под влиянием новочеркасских настроений, и главным образом призрака германской опасности, М. В. все чаще стал напоминать мне о Волге. Письмо его от 30 июня дышало вновь глубоким пессимизмом: «Углубление наше на Кубань может повести к

гибели… Обстановка зовет нас на Волгу… Центр тяжести событий, решающих судьбы России, перемещается на восток. Мы не должны опоздать в выборе минуты для оставления Кубани и появления на главном театре».

Я к этому времени взял уже Тихорецкую и не мог, конечно, бросить на полпути операцию, стоившую много крови и развивавшуюся с таким успехом.

Прошел месяц, и под влиянием развертывавшихся событий генерал Алексеев вернулся к прежней своей оценке положения.

> «Уничтожение большевиков на Кубани, – писал он генералу Щербачеву[[74]], – обеспечение левого фланга общего стратегического фронта, сохранение за Россией тех богатств, которыми обладают Дон и Кубань, столь необходимых Германии для продолжения войны, являются составной единицей общей стратегической задачи на Восточном фронте, и Добровольческая армия уже в настоящую минуту выполняет существенную часть этой общей задачи».

Пройдет еще два-три месяца, и мы уже в некоторой перспективе будем в состоянии оценить пройденный путь… Мы узнаем о том, что готовил нам на Волге «дополнительный договор» немцев с большевиками; услышим, что подъем в населении Поволжья угас так же быстро, как и возник, что там нам предстояли бы еще более сложные отношения с черновским Комучем. Увидим, что на юге открывается близкий свободный путь к Черному морю и к победоносным союзникам, а армия растет на Кубани непрерывно в числе и силе.

Итак – на Кубань!

Стратегически план операции заключался в следующем: овладеть Торговой, прервав там железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. По овладении этим важным узлом северо-кавказских дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Кущевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа.

Для прикрытия со стороны группы Сорокина я оставил только один полк и два орудия генерала Покровского, который должен был объединить командование и над ополчениями задонских станиц.

Этот план был проведен до конца, невзирая на

противодействие вражеской силы и сторонних влияний.

Нас было мало: 8–9 тысяч против 80-100 тысяч большевиков. Но за нами было военное искусство… В армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее.

Социал-демократ Дан рассказывает, как летом 19 года где-то на Урале, живя возле красноармейского лагеря, он слышал с утра до вечера солдатскую песню, распеваемую большевистскими полками, перефразировавшими на советско-патриотический лад ее слова. Как толпа дезертиров, окруженных конвоем, оглушала улицы города все той же песнью:

Смело мы в бой пойдем За власть Советов И с радостью умрем Мы за все это.

«Так умела казенщина, – заключает Дан, – опошлить все, в чем когда-то сказывался порыв наивного, но, несомненно, искреннего энтузиазма» (?).

В Добровольческой армии умирали не… «за все это»… Там пели песню по-старому:

Смело мы в бой пойдем За Русь святую И с радостью умрем За дорогую.

И это была не фраза, а искренний обет, запечатленный сознательным подвигом, для многих кровью и смертью.

Было еще одно обстоятельство:

«Наша стратегия вполне согласовалась с качествами молодой армии, более способной на увлечение, чем на требующие терпения и выдержки медленные движения, могущей закалиться только победами, побеждающей только при нападении и одерживающей верх только в силу порыва…»

Эти слова принадлежат историку Сорелю[[75]] и относятся к французской революционной армии времен Конвента. Но они с величайшей точностью воспроизводят боевой облик и армии Добровольческой.

9-10 июня 1918 года армия выступила во 2-й Кубанский поход.

Глава V. Взятие Торговой. Смерть генерала Маркова

На 12 июня назначена была атака станции Торговой.

Еще 9-го началось расхождение дивизий на широком фронте, причем конница Эрдели и дивизия Маркова с донскими частями Быкадорова должны были накануне (11-го) выйти к линии железной дороги Тихорецкая-Царицын, очищая свои районы от мелких партий большевиков, отвлекая их внимание и 12-го завершая окружение Торговой; две сильных колонны – Дроздовского и Боровского – направлены были с возможною скрытностью вдоль линии железной дороги Батайск-Торговая и берегом реки Среднего Егорлыка для непосредственного удара на Торговую. Дивизия Боровского составляла вначале мой общий резерв.

В этом походе армия, невзирая на свою малочисленность, двигалась все время широким фронтом для очистки района от мелких банд, для прикрытия железнодорожного сообщения и обеспечения главного направления от удара мелких отрядов и ополчений, разбросанных по краю.

10 июня после упорного боя генерал Эрдели овладел селом Лежанкой; часть красноармейцев была изрублена, другая взята в плен, остальные бежали на юг. 11-го конница с таким же успехом овладела селом Богородицким, выслав в тот же день разъезды для порчи и перерыва железнодорожного пути от Тихорецкой.

Я со штабом шел при колонне Боровского и заночевал в селе Лопанском. На рассвете 12-го видел бой колонны. Побывал в штабе Боровского, в цепях Кутепова[76]], ворвавшихся в село Крученобалковское, и с большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в 1-м походе, живет и в начальниках, и в добровольцах.

Около 7 часов утра, разбив большевиков у Крученой балки, Боровский преследовал их передовыми частями в направлении Торговой, дав отдых главным силам.

Со стороны Торговой, которую должна была атаковать колонна Дроздовского на рассвете, слышен был только редкий артиллерийский огонь. Мы с Романовским, несколькими офицерами и казаками, перейдя речку, поскакали к его колонне.

Дроздовский, сделав ночной переход, с рассветом развернулся с запада против Торговой и вел методическое наступление, применяя тактику большой войны… В тот момент, когда мы въехали в хутор Кузнецова, части Дроздовского

подготовлялись там к переправе через реку Егорлык. Большевики от Торговой обстреливали нас редким артиллерийским огнем; с противоположного берега и хутора Шавлиева шел ружейный и пулеметный огонь; туда, стоя открыто в расстоянии 150 шагов, стреляло картечью наше орудие…

Прошло уже более пяти лет с того дня, когда я первый раз увидел дроздовцев в бою, но я помню живо каждую деталь. Их хмурого, нервного, озабоченного начальника дивизии… Суетливо, как наседка, собиравшего своих офицеров и бродившего, прихрамывая (старая рана), под огнем по открытому полю Жебрака… Перераненных артиллеристов, продолжавших огонь из орудия, с изрешеченным пулями щитом… И бросившуюся на глазах командующего через речку вброд роту во главе со своим командиром штабс-капитаном Туркулом – со смехом, шутками и криками «ура»…

Хутор Шавлиев был взят, и дивизия стала переходить через Егорлык и развертываться против Торговой, откуда из длинных окопов была встречена огнем. Дроздовский долго перестраивал боевой порядок; темп боя сильно замедлялся. Между тем со стороны Крученой балки по всему полю, насколько видно было глазу, текли в полном беспорядке толпы людей, повозок, артиллерии, спасавшихся от Боровского. Я послал приказание всей колонне последнего продолжать немедля наступление на Торговую.

Около двух часов дня начал подходить Корниловский полк, и дроздовцы вместе с ним двинулись в атаку, имея в своих цепях Дроздовского и Жебрака.

Торговая была взята; захвачено три орудия, много пулеметов, пленных и большие интендантские запасы. На железнодорожной станции, где расположился мой штаб, тотчас по ее занятии дроздовцы установили уже пулемет на дрезину и погнались за уходившими эшелонами большевиков; другие мастерили самодельный «броневой поезд» из платформ с уложенными на них мешками с землей и ставили орудие и пулеметы. Вечером «первый бронепоезд» (!) Добровольческой армии двинулся к станции Шаблиевской.

В этот же день генерал Эрдели с кубанскими казаками захватил с бою село Николаевское, станцию Крученскую и, оставив там полк для прикрытия со стороны Тихорецкой, двинулся к Торговой. Казаки и черкесы прошли за три дня 110 верст с несколькими боями; уставшие лошади еле двигались. Тем не менее Эрдели к вечеру подошел к Торговой, успев перехватить большевикам юго-восточные пути отступления, и в происшедшей там конной атаке казаки многих изрубили, более 600 взяли в

плен.

12 июня воссозданная Добровольческая армия одержала свой первый крупный успех. С 12 июня в течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от Центральной России, а центр страны – от всероссийских житниц – Кубанской области и Ставропольской губернии и от грозненской нефти[77]]. Это обстоятельство, несомненно, подрывало экономический базис Советской власти, но в силу роковых переплетений интересов не могло не отозваться на общем состоянии народного хозяйства. Утешала меня надежда, что такое положение недолговечно и что штыками своими Добровольческая армия принесет вскоре северу освобождение, а вместе с ним хлеб, уголь и нефть.

Мечты!..

Спускалась уже ночь, замирали последние отзвуки артиллерийской стрельбы где-то на севере, а от колонны Маркова не было никаких известий. Наконец, пришло донесение:

«Станция Шаблиевская взята…

Генерал Марков смертельно ранен…»

11 июня Марков очистил от мелких большевистских банд район между Юлой и Манычем и приступил к операции против Шаблиевки. Станция оказалась занятой сильным отрядом с артиллерией и бронепоездами. Взять ее в этот день не удалось. Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавший серьезные потери, и только к вечеру, очевидно, в связи с общей обстановкой большевики начали отступать. Уходили и бронепоезда, посылая последние, прощальные снаряды по направлению к брошенной станции. Одним из них вблизи от Маркова был тяжело ранен капитан Дурасов… Другой выстрел – предпоследний – был роковым. Марков, обливаясь кровью, упал на землю. Перенесенный в избу, он мучился недолго, приходя иногда в сознание и прощаясь трогательно со своими офицерами-друзьями, онемевшими от горя.

Сказал:

– Вы умирали за меня, теперь я умираю за вас…

Наутро 1-й Кубанский стрелковый полк провожал останки своего незабвенного начальника дивизии. Раздалась команда: «Слушай – на караул!..» В первый раз полк так небрежно отдавал честь своему генералу: ружья валились из рук, штыки колыхались, офицеры и казаки плакали навзрыд…

К вечеру тело привезли в Торговую. После краткой литии гроб на руках понесли мы в Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческих дивизий. В сумраке, среди тишины, спустившейся на село, тихо подвигалась длинная колонна. Над гробом реял черный с крестом флаг, его флаг, мелькавший так

часто в самых опасных местах боя…

После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю.

Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый…

Вспомнились последние годы – Галиция, Волынь, ставка, Бердичев, Быхов, 1-й Кубанский поход… Столько острых, тяжких и радостных дней, пережитых вместе и сроднивших меня с Марковым… Но не только потерян друг. В армии, в ее духовной жизни, в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом в поисках человека на фоне жуткого безлюдья мы с Иваном Павловичем, точно угадывая мысль друг друга, говорили со скорбью:

– Нет Маркова…

В ту же ночь два грузовика со взводом верных соратников, с пулеметами по бортам везли дорогую кладь по манычской степи, еще кишевшей бродячими партиями большевиков, в Новочеркасск. Там осиротелая семья покойного – мать, жена и дети, там «его» полк и десятки тысяч народа отдали последний долг праху героя, который когда-то учил своих офицеров:

– Легко быть честным и храбрым, когда сознал, что лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной России…

13 июня я отдал приказ по армии:

«§ 1

Русская армия понесла тяжелую утрату: 12 июня при взятии станции Шаблиевки пал смертельно раненный генерал С. Л. Марков.

Рыцарь, герой, патриот, с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Борыньей, Перемышлем, Луцком, Чарторийском… Добровольческая армия никогда не забудет горячо любимого генерала, водившего в бой ее части под Екатеринодаром, в «Ледяном походе», у Медведовской…

В непрестанных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки…

Вечная память со славою павшему…

§ 2

Для увековечения памяти первого командира 1-го Офицерского полка части этой впредь именоваться 1-й Офицерский генерала Маркова полк».

Глава VI. Бои на путях к Екатеринодару. Кореновская

Для овладения Екатеринодаром направлена была большая часть армии. Дивизии Казановича и Дроздовского (1-я и 3-я) – вдоль Тихорецкой линии; Эрдели (1-я конная) – севернее, параллельно им, к Черноморской линии для удара по городу с севера; Покровский (1-я Кубанская дивизия) – с севера на Тимашевскую и далее в тыл Екатеринодарской группе большевиков. Боровский (2-я дивизия) должен был частью своих сил наступать вдоль Кавказской железнодорожной линии для обеспечения главного направления и для демонстрации. Для обеспечения тыла в Кореновской был оставлен пластунский батальон с двумя орудиями.

14 июля я с Романовским был в центральной группе, в станице Пластуновской, установил окончательно детали наступления и напутствовал каждую дивизию пожеланием, чтобы она «первою вошла в Екатеринодар». Этот прием боевого соревнования как нельзя более соответствовал общему настроению – все рвались к Екатеринодару.

К вечеру того же дня Дроздовский маневром окружения взял станцию Динскую, захватив 3 орудия, 600 пленных и большую добычу; южнее Казанович занял с боя монастырь (Покровская община).

Поздно ночью я вернулся в Тихорецкую. Штаб армии на другой день должен был перейти в Кореновскую.

Но утром 15-го связь с центральными колоннами была порвана. По железнодорожному телефону мы получили донесение, что станция Кореновская была атакована крупными силами противника и взята им; гарнизон наш частью уничтожен, частью попал в плен.

Большевистские войска с занятием Кореновской оказались в тылу центральной нашей группы, разъединили ее от конницы Эрдели и штаба армии и создали непосредственную угрозу Тихорецкому узлу, для обороны которого оставались лишь 1–2 формирующиеся батальона, 1–2 сотни и мой конвой.

Положение создалось грозное.

Я приказал немедленно отозвать из Ставрополя полк с батареей для нанесения совместно с бронепоездами удара по Кореновской с северо-востока, тогда как центральная группа будет наносить его, очевидно, с юго-запада; послал Покровскому приказание – минуя всякие препятствия и чего бы это ни стоило

атаковать Тимашевский узел и выйти в тыл Сорокину; Эрдели – ударить на Кореновскую с севера.

В центральную колонну штаб послал на аэроплане сообщение о направленной помощи; летчик должен был спуститься в районе Пластуновской с риском попасть в руки неприятеля…

Прошли томительные сутки…

Сведения разведки о движении большевиков из Тимашевской на Екатеринодар имели некоторые основания: туда текли обозы, беженцы, дезертиры, мелкие отряды, отколовшиеся от Сорокина. Главные силы оставались, однако, в районе Тимашевской, приводились в порядок, пополнялись по пути мобилизованными. Силы эти насчитывали, как оказалось, не менее 25–30 тысяч. На основании согласных показаний пленных Сорокин принял решение: выставив против Покровского заслон из лучшей своей дивизии, которая должна была впоследствии отступать на Тамань и Новороссийск, самому пробиться через Кореновскую на Усть-Лабу с целью уйти за Кубань. Вероятно, только впоследствии легкость овладения Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили его использовать свое положение и попытаться разбить Добровольческую армию. Во всяком случае, весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих – Сорокина или его штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северокавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника[[78]]…

14-го Сорокин перешел в наступление на широком фронте, направляя главные силы на Кореновскую. В этот день он, отбросив конницу Эрдели, вышел на линию Переяславская-Ново-Корсунская-Сергиевская, а 15-го взял Кореновскую.

Ввиду неясных слухов о появлении противника у Сергиевской и Дядьковской, полученных к вечеру 14-го, послана была туда новая разведка, а колонны Казановича и Дроздовского были придержаны у Динской.

Когда утром 15-го колонны оказались отрезанными от Тихорецкой, Казанович и Дроздовский, по взаимному соглашению, оставив арьергард с бронепоездом у Динской[[79]], двинулись на Кореновскую с целью атаковать ее. Марковцы Казановича – в поезде, дроздовцы – на подводах, 2-й конный полк был направлен на станцию Раздольная для атаки Кореновской с юго-востока.

С рассветом Казанович, имея всего два батальона марковцев с артиллерией и бронепоездом, атаковал большевиков в направлении станции (Станичная), не дождавшись подхода

Дроздовского, и потерпел неудачу: батальоны его залегли, отбиваясь огнем от наступавшей пехоты противника, от атаковавшей большевистской конницы. В 8 утра войска Дроздовского развернулись севернее железной дороги, направляясь на станицу с запада, и бой под Кореновской, тылом к Екатеринодару, продолжался с новым напряжением в течение всего дня.

Войска Сорокина оказались здесь в значительно превосходных силах и отменного боевого качества. Артиллерия его выпускала огромное количество снарядов.

Напрасны были многократные атаки наших дивизий, выезды «на картечь» батарей, личный пример начальников: Дроздовского, под непрерывным огнем ободрявшего свои войска, Казановича, выезжавшего в цепи противника на броневике в горячие минуты боя, Тимановского, водившего лично в атаку батальон марковцев для спасения положения…

Дивизии наши понесли тяжелые потери, были смяты и к вечеру отошли, преследуемые противником, за ручей Кирпели к станице Платнировской. «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, – говорится в описании действий Дроздовской дивизии, – носил очень тяжелый характер… Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности (уйти) от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть. Красные проявляли нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали (потом) раненых на кострах…»

Дивизии остановились на ночь на позиции за ручьем. Части стали подсчитывать свои поредевшие ряды и почти израсходованные боевые припасы, приводились в порядок. На совещании, состоявшемся в эту ночь в штабе 3-й дивизии, обстановка рисовалась в крайне мрачном свете. Казанович так описывает это совещание: «Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и искать кружным путем соединения с командующим армией или Боровским… Что надо спасать части от уничтожения…» Казанович протестовал: «Такое отступление развяжет большевикам руки, они (возьмут) Тихорецкую, порвут всякую связь между отдельными частями армии… Операция будет сорвана… наше отступление поведет к поражению армии по частям. С другой стороны, нельзя себе представить, чтобы генерал Деникин оставался в бездействии – очевидно, он направляет все, что ему удалось собрать, в тыл стоящим против

нас большевикам».

Казанович, наконец, заявил, что ввиду потери связи с командующим армией он, как старший, на основании полевого устава, вступает в командование группой и приказывает с рассветом возобновить наступление на Кореновскую…

С утра 17-го были сделаны попытки наступления Марковским полком, но безуспешно. Противник в свою очередь перешел в наступление по всему фронту.

С особенной силой большевики обрушились в направлении железной дороги на правый фланг дроздовцев (Солдатский полк) и на марковцев. Во многих местах окопы наши были захвачены, и в них шел жестокий штыковой бой. С большим трудом благодаря незначительным поддержкам храброго 2-го Офицерского полка и батарее доблестного подполковника Миончинского удалось восстановить положение.

В атаках большевиков, невзирая на их исключительное упорство, добровольцы заметили однако какую-то необычайную нервозность.

Большевики не просто атаковали – они пробивались…

В то время, когда силы добровольцев были уже на исходе, возле Платнировской спустился летчик штаба армии. Он сообщил так страстно желанную весть о приближении помощи со стороны Тихорецкой.

Настроение войск сразу поднялось.

Пополудни над Кореновской появились высокие разрывы шрапнелей. Это 1-й Кубанский полк с батареей и бронепоездом атаковал Кореновскую группу противника с тыла.

Вскоре на всем поле между Кореновской и Платнировской добровольцы увидели ясную и знакомую им картину «конца», когда поле сразу оживает и по нему мечутся во все стороны повозки, всадники и пешие люди… 1-й Кубанский полк ворвался в Кореновскую; навстречу ему шел стремительно Марковский. Разбитый противник спешно уходил двумя волнами: одна, смяв правый фланг марковцев, бросилась на юг, на Раздольное, откуда ее встретил атакой 2-й конный полк; другая в сравнительном порядке текла на запад, провожаемая огнем артиллерии Дроздовского, и остановилась тыловыми частями верстах в двух-трех от Кореновской. Дроздовский под впечатлением вчерашнего дня не решился преследовать ее пехотой…

Связь с Тихорецкой была восстановлена. Большевики понесли весьма тяжелые потери – добровольцы пощады не давали. Но и Добровольческая армия была сильно обескровлена, 1-я и 3-я дивизии потеряли 25–30 процентов своего состава. В числе убитых были храбрейшие первопоходники-марковцы полковник

Хованский, подполковник Плохинский, штаб-ротмистр Дударев и много других…

Не один день потом в Тихорецкой провожал я в могилу прах своих старых соратников, со скорбью в душе и с больной неотвязчивой думой:

– Уходят, уходят… один за другим…

Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и других, войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгнувшиеся в глубь России и отдаленные тысячами верст от своих баз…

К утру 18-го войска Добровольческой армии на екатеринодарском направлении располагались следующим образом: на севере генерал Покровский, ведя весьма упорные бои, форсировал низовья Бейсуга и после уличного боя овладел Брюховецкой. Эрдели расположился главными силами в районе Березанской, одним полком занимая Батуринскую. 1-я дивизия Казановича была на походе к станице Выселки, выделив Марковский полк на станцию Бейсуг. Дроздовский оставался в районе Кореновской, имея авангард в Платнировской.

В то время, когда происходили описанные выше события в южной группе Сорокина, северная продолжала наступление на восток, угрожая Березанской и Выселкам, 18-го большевики выбили Эрдели из Березанской и заняли станицу. В то же время другая их сильная колонна сосредоточилась у хутора Журавского, подойдя к вечеру к станице Выселки и открыв по ней артиллерийский огонь.

Необходимо было покончить во что бы то ни стало с этой группой, вновь угрожающей железной дороге и нашим сообщениям. Я приказал Дроздовскому вести активную оборону Кореновской, а Казановичу, с подчинением ему, кроме 1-й дивизии, и конницы Эрдели, разбить Северную группу большевиков.

Казанович 18-го производил перегруппировку сил и отражал наступление большевиков на Выселки всего одним батальоном…

На другой день Кореновская группа большевиков с утра большими силами обрушилась вновь на колонну Дроздовского. Весь день шел бой, в течение которого большевики несколько раз врывались в Кореновскую с юга. Одновременно замечено было движение сильной колонны вдоль реки Малеваны, с запада на восток, в глубокий обход позиций 3-й дивизии. Войска Дроздовского проявляли большое упорство, но противник был также необыкновенно настойчив, шел в превосходных силах, а

главное, взял уже в свои руки инициативу, приковав Дроздовского к Кореновской и заставив его перейти к пассивной обороне.

Положение Кореновской стало безнадежным.

Понеся серьезные потери, утомленный физически и морально, Дроздовский отдал приказ об отступлении. Начав с трудом вывод войск из боя еще засветло, он в течение ночи отошел на восток верст за 30, в станицу Бейсугскую, оторвавшись совершенно от противника. На другой день (20-го) он донес мне, что за минувшие бои дивизия сильно пострадала, в настоящее время не боеспособна и требует полного отдыха…

Известие об отступлении 3-й дивизии пришло в штаб армии и к Казановичу только пополудни 20-го. Казанович между тем вел упорные атаки Березанской и Журавки. Первая была нами взята; но сопротивление Журавской группы противника разбивало все наши усилия. Войска Казановича, в особенности Марковский полк во главе с Тимановским, ходили многократно в атаку, несли тяжелые потери, но успеха не имели.

21 июля Сорокин был назначен главнокомандующим красных войск Северного Кавказа, и это назначение, по-видимому, повлияло на упорство его войск.

На Екатеринодарском фронте создалось для нас положение тягостной, томительной неопределенности. Только на севере обстановка несколько улучшилась: 20-го наша флотилия, организованная в Ейске, вошла на рейд Приморско-Ахтарской и высадила там небольшой десант, который занял станцию, а в то же время Покровский после упорного боя взял станицы Ново-Джерлиевскую, Роговскую и Ново-Корсунскую, охватив с севера Тимашевский железнодорожный узел.

На 24 июля я вновь назначил общее наступление Екатеринодарской группы, привлекши и 3-ю дивизию: Дроздовскому приказано было, несмотря на переутомление дивизии, наступать на Кореновскую, в тыл Северной группе большевиков с целью облегчения задачи Казановича.

Оставив большую половину своих сил для выполнения задачи пассивной – прикрытия усть-лабинского направления, Дроздовский с остальными 24-го двинулся левым берегом реки Бейсужка; но атаковать Кореновскую, занятую, по его сведениям, крупными силами противника, не решился и заночевал на полпути в хуторе Бейсужек. Казанович атаковал опять, опять понес большой урон и безрезультатно. Между 1-й и 3-й дивизиями создавались натянутые отношения, основанные меньше всего на их боевых достоинствах: и начальники, и части могли поспорить в доблести… Но трудно было сочетать два

характера – безудержного Казановича и осторожного Дроздовского, две системы в тактике: у Казановича лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть добровольцев и впечатлительность большевиков; у Дроздовского – медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми «пакетами» для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее.

Утром 25-го Дроздовский продолжал движение, изменив его направление: учитывая слабость своих сил, он отказался от глубокого обхода и решил выйти в ближайший тыл Журавской группе большевиков. Двинувшись на хутор Малеваный и овладев им в десятом часу утра, Дроздовский направил 1-й Солдатский полк в сторону Выселок, где вел бой генерал Казанович. Появление наших войск вызвало большую панику среди большевистских обозов. В течение 4–5 часов Дроздовский, прикрывшись со стороны Кореновской конницей, вел здесь двусторонний горячий бой: обойдя большевиков, он оказался сам обойденным противником, подошедшим к Малеваному с юго-запада от Кореновской. Сдерживая его с этой стороны артиллерийским огнем, Дроздовский лично с «солдатскими» ротами отражал атаки с северо-востока. Большевики, стоявшие против Выселок, повернули в его сторону. Сначала одна волна, которая была расстреляна и уничтожена в штыковом бою, потом вскоре и остальные силы, преследуемые с севера марковцами и 1-м конным полком. Последний в пылу увлечения, гоняясь по пятам за большевиками, налетел и на дроздовцев и, пока недоразумение разъяснилось, понес потери от их огня.

Севернее между тем у Журавской 1-й Кубанский полк и конница Эрдели вновь с большим подъемом атаковали позицию противника с севера и северо-востока и, опрокинув большевиков, заняли станицу.

К 4 часам все было кончено.

Армия Сорокина, на этот раз понеся жестокое поражение, отступала на всем фронте, преследуемая и избиваемая конницей, броневиками, бронепоездами. К вечеру занята была с бою и Кореновская.

Только в этот день (25-го) я приобрел вновь полную свободу действий и получил возможность продолжать выполнение своего основного плана.

Глава VII. Взятие Екатеринодара

Армия Сорокина уходила с большой поспешностью главной массой в направлении на Екатеринодар, частью на Тимашевскую; там по-прежнему Таманская дивизия оказывала упорное сопротивление коннице Покровского и даже 28-го предприняла серьезное контрнаступление в направлении на Роговскую… На юге отдельная группа большевиков – 4–6 тысяч с артиллерией и бронепоездами – располагалась в районе Усть-Лабинской (постоянная переправа через Кубань), занимая станицы Воронежскую и Ладожскую и выдвинувшись передовыми частями к Раздольной и Кирпильской. Под прикрытием Екатеринодарской укрепленной позиции и Усть-Лабинской группы по мостам у Екатеринодара, Пашковской, Усть-Лабинской шло непрерывное движение обозов: советское командование перебрасывало свои тылы и коммуникации за реку Кубань…

Невзирая на крайнее утомление войск непрерывными боями, я двинул армию для неотступного преследования противника: Эрдели и Казановича – в направлении Екатеринодара с севера и северо-востока, Дроздовского – против Усть-Лабы. Покровский по-прежнему имел задачей овладение Тимашевским узлом и Боровский – содействие колонне Дроздовского продвижением части сил вниз по Кубани.

27-го кубанская конница Эрдели вышла к Черноморской железной дороге у станицы Медведовской, а по Тихорецкой ветви блестящей конной атакой одного из кубанских полков овладела станицей Пластуновской. Дроздовский в этот день взял с бою Кирпильскую, а Корниловский полк – станицу Ладожскую, причем захватили исправный неприятельский бронепоезд с 6 орудиями и 8 пулеметами[[80]].

28-го, продвигаясь вдоль обеих железнодорожных линий, Эрдели занял Ново-Титоровскую и Динскую, подойдя на 20 верст к Екатеринодару. 29-го в районе Динской сосредоточилась и 1-я дивизия Казановича, причем бронепоезд ее подходил в тот день к разъезду Лорис, на полпути к Екатеринодару.

Штаб армии перешел в Кореновскую, потом в Динскую.

Задержка была за Усть-Лабой.

28-го Дроздовский производил развертывание по линии реки Кирпили и на следующий день атаковал Усть-Лабу, одновременно выслав конный полк с полубатареей против Воронежской. 4-й Кубанский пластунский батальон ворвался на станцию и в станицу, но, не поддержанный главными силами, вскоре был выбит оттуда большевиками, подошедшими из Воронежской,

отчасти с востока. В разыгравшемся здесь бою большевики, отрезанные от Екатеринодара, сами многократно атаковали с фланга боковыми отрядами главные силы Дроздовского, перешедшие к пассивной обороне, задержав их к северу от станицы; в то же время параллельно фронту шла непрерывная переброска за Кубань по усть-лабинскому мосту большевистских обозов и войск. Только к вечеру по инициативе частных начальников кубанские пластуны ворвались вновь на Усть-Лабу совместно с корниловскими ротами, наступавшими с востока. Арьергард противника, метавшийся между Воронежской и мостом, совместными действиями конницы Дроздовского был уничтожен, захвачены многочисленные еще обозы, орудия, пулеметы, боевые припасы; конница заняла Воронежскую.

30-го дивизия Дроздовского отдыхала. Я послал приказание двигаться безотлагательно к Екатеринодару, оставив лишь небольшой отряд для прикрытия усть-лабинской переправы. В этот вечер и на следующий день Дроздовский пододвинулся к станице Старо-Корсунской, войдя в связь вправо с Казановичем.

Таким образом, к 1 августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой армии подошла на переход к Екатеринодару, окружив его кольцом с севера и востока.

1-го предстоял штурм екатеринодарских позиций.

Они тянулись от Кубани, опоясывая Пашковскую, разъезд Лорис, и далее к екатеринодарским «Садам»[[81]], пересекая Черноморскую железнодорожную линию; непосредственно впереди города шла вторая непрерывная линия окопов. Местность кругом была совершенно ровная, покрытая садами и обширными полями кукурузы.

1 августа после ожесточенного боя Покровский взял, наконец, Тимашевскую, и разбитый противник начал отходить в общем направлении на Новороссийск…

В этот же день с раннего утра начались бои на всем Екатеринодарском фронте. Кубанцы Эрдели дошли до «Садов», сбивая передовые части противника, поддержанные бронепоездом; Казанович после горячего боя овладел разъездом Лорис и продвинулся вперед версты на две; Дроздовский потеснил противника к станице Пашковской и занял разъезд того же имени. В таком положении наши войска застала ночь, а наутро возобновился опять упорный бой.

Я шел с войсками Казановича. Все поле боя было видно как на ладони; вдали виднелись знакомые очертания города… Четыре месяца тому назад армия уходила от него в неизвестное, раненная в сердце гибелью любимого вождя. Теперь она опять здесь, готовая к новому штурму…

Шел непрерывный гул стрельбы. Быстро подвигался вперед 1-й Кубанский полк под сильным огнем; левее цепи Дроздовского[82] катились безостановочно к Пашковской, на некоторое время скрылись в станице и потом появились опять, пройдя ее и гоня перед собой нестройные цепи противника… Проходит немного времени, и картина боя меняется: начинается движение в обратном направлении. Наши цепи отступают в беспорядке, и за ними текут густые волны большевиков, подоспевших из резерва; прошли уже Пашковскую, угрожая и левому флангу Казановича. Дроздовский, вызвав свои многочисленные резервы, останавливает с фронта наступление противника; я направляю батальон Кубанского стрелкового полка в тыл большевикам: скоро треск его пулеметов и ружей вызывает смятение в рядах большевиков. Волна их повернула вновь и откатилась к Екатеринодару.

К вечеру Дроздовский занимал опять Пашковскую, заночевав в этом районе. Казанович продвинулся с боем до предместья.

На фронте Эрдели, у Ново-Величковской, бригада кубанцев (запорожцы и уманцы) атаковала и уничтожила колонну, пробивавшуюся на соединение с Тимашевской группой большевиков. К концу дня Эрдели атаковал на широком фронте арьергарды противника с севера и запада от Екатеринодара и в девятом часу вечера ворвался в город.

Утром 3-го наши колонны и штаб армии вступали в освобожденный Екатеринодар – ликующий, восторженно встречавший добровольцев. Вступали с волнующим чувством в тот город, который за полгода борьбы в глазах Добровольческой армии перестал уже вызывать представление о политическом и стратегическом центре, приобретя какое-то особое мистическое значение.

Еще на улицах Екатеринодара рвались снаряды, а из-за Кубани трещали пулеметы, но это были уже последние отзвуки отшумевшей над городом грозы. Войска Казановича овладели мостом и отбросили большевиков от берега.

В храмах, на улицах, в домах, в человеческих душах был праздник – светлый и радостный.

Взятие Екатеринодара было вторым «роковым моментом», когда, по мнению многих – не только правых, но и либеральных политических деятелей, добровольческое командование проявило «недопустимый либерализм», вместо того, чтобы «покончить с кубанской самостийностью», посадив на Кубани наказного атамана и создав себе таким образом спокойный, замиренный тыл.

О последствиях такого образа действий можно судить только

гадательно. Ни генерал Алексеев, ни я не могли начинать дела возрождения Кубани с ее глубоко расположенным к нам казачеством, с ее доблестными воинами, боровшимися в наших рядах, актом насилия. Была большая надежда на мирное сожительство. Но помимо принципиальной стороны вопроса, я утверждаю убежденно: тот, кто захотел бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужден был бы применять в крае систему чисто большевистского террора против самостийников и попал бы в полнейшую зависимость от кубанских военных начальников.

Когда был взят Екатеринодар, я послал кубанскому атаману полковнику Филимонову в Тихорецкую телеграфное извещение об этом событии и письмо следующего содержания:

«Милостивый государь
Александр Петрович!

Трудами и кровью воинов Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань.

Область, с которой нас связывают крепкими узами беспримерный Кубанский поход, смерть вождя и сотни рассеянных по кубанским степям братских могил, где рядом с кубанскими казаками покоятся вечным сном добровольцы, собравшиеся со всех концов России.

Армия всем сердцем разделяет радость Кубани.

Я уверен, что Краевая Рада, которая должна собраться в кратчайший срок, найдет в себе разум, мужество и силы залечить глубокие раны во всех проявлениях народной жизни, нанесенные ей изуверством разнузданной черни. Создаст единоличную твердую власть, состоящую в тесной связи с Добровольческой армией. Не порвет сыновней зависимости от Единой, Великой России. Не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях. И не повторит социальные опыты, приведшие народ ко взаимной дикой вражде и обнищанию.

Я не сомневаюсь, что на примере Добровольческой армии, где наряду с высокой доблестью одержала верх над «революционной свободой» красных банд воинская дисциплина, воспитаются новые полки Кубанского войска, забыв навсегда комитеты, митинги и все те

преступные нововведения, которые погубили их и всю армию.

Несомненно, только казачье и горское население области, ополчившееся против врагов и насильников и выдержавшее вместе с Добровольческой армией всю тяжесть борьбы, имеет право устраивать судьбы родного края. Но пусть при этом не будут обездолены иногородние: суровая кара палачам, милость заблудившимся темным людям и высокая справедливость в отношении массы безобидного населения, страдавшего так же, как и казаки, в темные дни бесправья.

Добровольческая армия не кончила свой крестный путь. Отданная на поругание Советской власти Россия ждет избавления. Армия не сомневается, что казаки в рядах ее пойдут на новые подвиги в деле освобождения отчизны, краеугольный камень чему положен на Кубани и в Ставропольской губернии.

Дай бог счастья Кубанскому краю, дорогому для всех нас по тем душевным переживаниям – и тяжким и радостным – которые связаны с безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могилами.

Уважающий Вас
А. Деникин».

Кубанское правительство просило меня повременить со въездом в Екатеринодар, чтобы оно могло прибыть туда ранее и подготовить «достойную встречу». Но в Екатеринодар втягивались добровольческие дивизии, на том берегу шел еще бой, и мне поневоле пришлось перевести свой штаб на екатеринодарский вокзал; только к вечеру не вытерпел – проехал незаметно на автомобиле по знакомому городу, теперь неузнаваемому, загаженному, заплеванному большевиками, еще не вполне верившему счастью освобождения.

Много позднее, к величайшему своему изумлению, в отчете о секретном заседании Законодательной Рады (28 февраля 1919 года) в числе многих тяжких вин, предъявленных Рябоволом командованию, я нашел следующую: «Когда после взятия Екатеринодара атаман и председатель Рады были с визитом у Алексеева (в Тихорецкой), тот определенно заявил, что атаман и правительство должны явиться в город первыми, как истинные

хозяева; что всякие выработанные без этого условия церемониалы должны быть отметены. Но, конечно, этого не случилось…»

Тонкие политики! Если бы я знал, что наш совместный въезд в «столицу» (4 августа) так огорчит ваше чувство суверенности, я отказался бы вовсе от торжеств. И притом никто не препятствовал ведь правительству и Раде войти в Екатеринодар хотя бы… с конницей Эрдели, атаковавшей город.

Первые часы омрачились маленьким инцидентом: добровольцы принесли мне глубоко возмутивший их экземпляр воззвания, расклеенного по всем екатеринодарским улицам. Оно было подписано генералом Букретовым – председателем тайной военной организации, проявившей признаки жизни только в момент вступления в город добровольцев. Начиналось оно следующими словами: «Долгожданные хозяева Кубани, казаки и с ними часть иногородцев, неся с собою справедливость и свободу, прибыли в столицу Кубани…» Добровольческая армия – «часть иногородцев»! Так…

Букретов пришел представиться и не был принят. Долго ждал на вокзале и, когда я вышел на перрон, подошел ко мне. Я сказал ему:

– Вы в своем воззвании отнеслись с таким неуважением к Добровольческой армии, что говорить мне с вами не пристало.

Повернулся от него и ушел.

Этот ничтожный по существу случай имел, однако, весьма важные последствия. Букретов затаил враждебное чувство. Пройдет с небольшим год… Кубанская Рада, весьма ревниво относившаяся всегда к чистоте казачьей крови своих атаманов, изменит конституцию края и вручит атаманскую булаву генералу Букретову… Человеку «чужому», не имевшему никаких заслуг в отношении кубанского казачества, состоявшему под следствием по обвинению во взяточничестве, по происхождению еврею, приписанному в полковничьем чине к казачьей станице, но зато… «несомненному врагу главнокомандующего»… Букретов приложит все усилия, чтобы углубить и ускорить разрыв между Кубанью и главным командованием, потом вероломно сдаст остатки Кубанской армии большевикам и исчезнет.

4 августа на вокзале торжественно встречали в моем лице Добровольческую армию атаман, правительство, Рада и делегации. Потом все вместе поехали верхом на соборную площадь, где собрались духовенство, войска и несметная толпа народа. Под палящими лучами южного солнца шло благодарственное молебствие. И были моления те животворящей росой на испепеленные смутой души; примиряли с перенесенными терзаниями и углубляли веру в будущее – страны

многострадальной, измученного народа, самоотверженной армии… Это чувство написано было на лицах, оно поднимало в эти минуты людей над житейскими буднями и объединяло толпу, ряды добровольцев и собравшихся возле аналоя военачальников и правителей.

Когда проходили после молебствия войска – офицерские части, кубанская конница, черкесы – все загорелые, тщательно прикрасившие ради торжественного случая свои изношенные, заплатанные одежды, их встречали повсюду любовно и трогательно.

В приветственных речах на вокзале, потом в застольных в войсковом собрании кубанские правители – Филимонов, Быч, Рябовол и другие – превозносили заслуги Добровольческой армии и ее вождей и, главное, свидетельствовали – в особенности устами атамана – о своей преданности национальной идее. «Кубань отлично сознает, что она может быть счастливой только при условии единства матери – России, – говорил атаман. – Поэтому, закончив борьбу за освобождение Кубани, казаки в рядах Добровольческой армии будут биться и за освобождение и возрождение Великой, Единой России…»

Это было самое важное; остальное, казалось, все приложится.

5-го приехал в Екатеринодар генерал Алексеев, встреченный торжественно и задушевно. Вновь состоялось молебствие и парад прибывшей неожиданно в Екатеринодар дивизии Покровского…

Покровский привел несколько полков, хотя город был взят уже два дня тому назад, а Тимашевская группа большевиков уходила на Славянскую… «Полки измотались, – говорил он, – все равно необходима дневка. Но всеобщее желание кубанцев было пройти еще лишних 15–20 верст, чтобы увидеть свою столицу, своих вождей и себя показать…»

В этот день кубанцы чествовали генерала Алексеева. Опять слышались горячие речи, полные признания заслуг армии, любви к Кубанскому краю и глубокого патриотизма по отношению к России…

Я от души пожелал, «чтобы освобожденная Кубань не стала вновь ареной политической борьбы, а приступила как можно скорее к творческой созидательной работе…»

Глава VIII. Состояние большевистских войск Северного Кавказа в августе и сентябре. Наступление наше в августе 1918 года. Бои под Ставрополем, взятие Армавира и Невинномысской. Стратегическое окружение большевистской армии

Северо-Кавказская Красная армия после понесенных поражений испытывала действительно глубокий кризис. В «Окопной правде»[83]], органе красноармейских депутатов Доно-Кубанского фронта, появилось откровенное признание: «В нашей армии нет дисциплины, организованности… ее разъедают примазавшиеся преступные элементы, которым чужды интересы революции… Приходится констатировать недоверие бойцов к командному составу, так и командного состава к главкому (Сорокину), что ведет в конце к полному развалу всей революционной армии…» Состоявшийся в сентябре в Пятигорске съезд фронтовых делегатов определил конкретные причины поражений, потребовав устранения их суровыми мерами[84]]: 1) неподчинение войсковых частей высшему командному составу «благодаря преступности отдельных лиц командного состава и недисциплинированности бойцов», трусости и паническому настроению «многих»; 2) «грабежи, насилия, реквизиции», словом, «целый ряд насилий над мирным населением»; 3) «обессиление армии беженским движением, вносящим панику при первом же выстреле»…

О деморализации красных свидетельствовал и неизбежный спутник ее – дезертирство: не только казаки, бывшие в составе большевистских войск, но и красноармейцы сотнями стали переходить на нашу сторону.

Особенно большие нарекания были на командный состав. О нем говорили много и съезд, и резолюции частей, и приказы Сорокина. «Товарищи, – говорит одна из резолюций, – которые совершенно не компетентны в военных стратегических вопросах, преступно принимают на себя обязанности, которых они выполнить не могут…»

«Скверно то, – писал Сорокин[85]], – что командиры, начиная с взводных, убегают от бойцов в трудные минуты…

В бою я с вами – это видели все… «Сорокин продал» – говорят… А где в то время командиры?.. Лучшие из них бойцами… а другие в то время по городу с бабами раскатывают пьяные… Самые лучшие боевые планы рушатся из-за того, что приказания не вовремя или вовсе не исполняются…»

Авторитет Сорокина был уже подорван, и ему приходилось оправдываться даже по обвинению в измене: «Я знаю, что про меня болтают, когда я объезжал фронты Армавирский и Кавказский: уже нашлись друзья, которые говорили, что я перебежал. Мне эти разговоры не обидны, но они мешают исполнять святое и тяжелое дело защиты наших прав трудящихся…» Сорокин сурово расправлялся с порочившими его начальниками и политическими комиссарами: многих расстрелял.

Тем не менее подозрительность пустила глубокие корни. И съезд делегатов, хотя и выразил «товарищу» Сорокину полное доверие, но, «принимая во внимание, что единоличное командование вносит в ряды армии недоверие и особенно ввиду назначения его сверху», приставил к главкому двух «политических комиссаров»[86]].

В течение августа состояние многих частей Кавказской Красной армии было еще плачевно; но уже к началу сентября процесс распада красных войск приостановился. Хотя красное командование по-прежнему проявляло отступательные тенденции, но они встречали не раз неожиданный отпор в самой солдатской массе, несколько отсеянной благодаря уходу или бегству многих пришлых частей на север, к Царицыну. Одна из наших сводок отмечала такой необыкновенный факт: «1-я Лабинская бригада, насильно выбрав командиром всячески от этого уклонявшегося Ярового, принудила его (вопреки директиве высшего командования) под угрозой расстрела вести ее в бой. Наступление бригады кончилось разгромом ее под Упорной»[87]].

Эта перемена настроения явилась в большой мере отголоском взаимоотношений кубанских казаков с иногородними. Иногородние, оседло живущие на Кубани, в большом числе вливались в ряды красных войск. В своих постановлениях войсковые части, состоявшие главным образом из этого элемента, начали предъявлять требования к своему командованию «прекратить отступление, реорганизовать фронт и затем наступать только вперед, вперед на врага, вперед к своим женщинам, женам и детям, которые гибнут под гнетом разбоя и

взывают к нам о помощи…»[88]]. «В полку получилось волнение, – доносят другие[89]], – о том, что получились сведения, что Лабинская горит, семьи насилуются, что разгорается усиленная провокация, как будто командный состав ведет к разрухе…»

Наша разведка уяснила себе положение в стане противника с большим запозданием и в сентябре пришла к пессимистическому выводу: Северо-Кавказская Красная армия начинает понемногу выходить из кризиса «не ослабленной, а, наоборот, усилившейся. Она желает решить боевые вопросы, составляющие основу дальнейшего существования Кубанской республики; победу она видит в занятии крупных центров края, в разгроме Добровольческой армии и в порабощении казачества…»

Вопрос стоял на мертвой точке: победа казаков – порабощение иногородних, победа красных – порабощение казаков. Ни та, ни другая сторона не могли возвыситься над первобытными принципами борьбы за существование.

Не в столь резких формах выражалось настроение крестьянства Ставропольской губернии, но все же там было далеко не спокойно. Советская власть сильнейшей агитацией возбуждала народ против Добровольческой армии и в то же время побуждала к лихорадочному формированию отрядов из местных контингентов. Эти отряды не были ни достаточно организованы, ни особенно искусны. Но их было много, они возникали и появлялись неожиданно, действуя то планомерно, то партизанскими набегами. Гражданская власть наша была слабой и неопытной, чтобы справиться с народными настроениями, воинская сила – слишком малочисленной, чтобы подавить местные формирования. В Ставропольской губернии переплетались резко расходящиеся настроения: одни села встречали добровольцев, как избавителей, другие – как врагов. Работа в крае велась поэтому в обстановке напряженной и нервирующей: с первого же дня Ставрополь находился под угрозой подступивших с трех сторон отрядов противника и жил под впечатлением то приближавшейся, то удалявшейся артиллерийской канонады…

К началу августа наши войска Ставропольского района[90]] располагались полукругом вокруг города в переходе от него с севера, востока и юга; по линии Кубани слабым кордоном стояли кубанские гарнизоны. 4 августа началось вновь одновременное наступление большевиков с юга от Невинномысской и с востока от Благодарного. Первое было отбито, второе имело вначале успех: прикрывавшие Ставрополь с востока наши части были опрокинуты, и противник (4–5 тысяч) подошел к предместьям

города и к станции Пелагиаде, угрожая перерезать сообщения нашей Ставропольской группы с Екатеринодаром…

Дивизии Боровского еще 4-го приказано было, по смене ее 3-й дивизией, перейти к Ставрополю, 8-го части ее высаживались у Ставрополя и Пелагиады как раз в тот момент, когда туда подошли большевики. Полки (Корниловский и Партизанский) прямо из вагонов бросились на противника, опрокинули и преследовали его.

Всю вторую половину августа Боровский, объединивший здесь командование, вел непрерывные бои частями своей дивизии и 2-й Кубанской. На долю последней пришлась особенно тяжелая работа: полковник Улагай буквально летал по краю, пройдя несколько сот верст, разбивая и преследуя появившиеся в разных местах отряды противника. В результате весь обширный район верст на сто по радиусу от Ставрополя был очищен от большевистских отрядов, и Боровский, заняв с боя Прочноокопскую и Барсуковскую, имел возможность сосредоточить к верхней Кубани свои главные силы.

В связи с успешным выходом Боровского к Кубани и значительным сокращением фронта 3-й дивизии я приказал Дроздовскому перейти за Кубань и овладеть Армавиром. Эта рискованная операция с самого начала была не по сердцу осторожному Дроздовскому, и потому исполнение ее сопровождалось трениями со штабом армии.

После продолжительных разведок 3-я дивизия 26 августа под прикрытием 2-го конного полка переправилась частью сил через Кубань у Тифлисской и двинулась отсюда на восток во фланг Противокавказской группе противника.

В течение четырех дней Дроздовский вел упорные бои и к 31-му овладел станцией Гулькевичи одновременным ударом с запада и через железнодорожный мост. Перебросив всю дивизию на левый берег и свои коммуникации на Кавказскую, он повел наступление на Армавир вдоль железной дороги, направив колонну генерала Чекотовского (Самурский пехотный и 2-й конный полки с батареей) против Михайловской для содействия 1-й конной дивизии Вначале обе колонны имели успех. Но 1 сентября к большевикам подошли значительные подкрепления, и они перешли в контрнаступление, угрожая обоим флангам дивизии Дроздовского. После упорного боя он вынужден был отвести левую колонну к станции Гулькевичи, куда 2-го вышли окруженные со всех сторон и пробившиеся штыками самурцы[[91]] Шаберта. Западнее вела настойчивые атаки 1-я конная дивизия генерала Врангеля, приковавшая к себе Михайловскую группу[[92]] противника, взявшая с бою оплот ее – станицу

Петропавловскую, но встретившая в дальнейшем упорное сопротивление.

Еще ранее для содействия Армавирской операции я приказал Боровскому ударить в тыл Армавирской группе большевиков, захватив Невинномысскую, прервав тем единственную железнодорожную линию сообщений армии Сорокина.

Судьба играет иногда событиями чрезвычайно прихотливо… Впоследствии в Невинномысской в наши руки попала директива Сорокина, в которой на командующего Невинномысской группой Гайчинца[93] возлагалась задача: «…Приготовиться к решительному наступлению, цель которого и задача во что бы то ни стало взять город Ставрополь… Наступление начать 2 сентября в 4 часа утра, отступлений не допускаю Ставрополь приказываю взять (4) сего сентября… Командвойск. Сев. Кавказа Сорокин. Политический комиссар Торский».

Гайчинец в развитие этой директивы отдал диспозицию, по которой войска его группы, удерживая фронт Кубани от Армавира до Барсуковской, главными силами должны были «нанести грозный удар» в направлении к Ставрополю на фронте Барсуковская Темнолесская, с охватом с востока конницей.

2 сентября – в тот же день, когда должен был нам нанести удар Гайчинец, – 2-я дивизия Боровского обрушилась на Невинномысскую. «В полдень, – говорит сводка, – доблестные части генерала Боровского, несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника, ворвались в станицу; продолжая стремительное наступление, овладели ею и перекинули часть сил на левый берег Кубани. Громадные толпы противника в полном беспорядке бросились бежать к Армавиру… В момент атаки в Невинномысской находилось шесть большевистских штабов, в том числе и штаб Сорокина, который бежал верхом за Кубань в момент нашего вступления в станицу…» В тот же день партизанская бригада Шкуро, выйдя южнее, овладела станцией Барсуки, разрушив там путь.

Этот наш успех отразился резко на положении фронта Дроздовского. 3 сентября он отбил с успехом атаки противника, а 4-го перешел вновь в наступление, подойдя с рассветом 6-го к Армавиру. Бой длился несколько часов и окончился полным поражением Армавирской группы большевиков, 4-й пластунский батальон овладел Туапсинским вокзалом, 2-й Офицерский полк – Владикавказским, а с правого берега, из Прочноокопской ворвались в город роты корниловцев. Несколько эшелонов подкреплений спешили к большевикам с запада по Туапсинской железной дороге, но заслон Самурского полка захватил один поезд целиком, другие встретил жестоким огнем, и эшелоны,

бросив поезда, бежали на юг. Паника распространилась по всему полю. 2-й конный полк до вечера преследовал и рубил бегущих долиной Урупа; два бронепоезда прошли до следующей станции Коноково (22 версты) и там громили огнем орудий и пулеметов собравшиеся толпы отступавших большевиков…

Между тем Боровский, опасаясь за свой правый фланг, оставил в Невинномысской пластунскую бригаду и главные силы перевел в хутор Темнолесский (см. Ново-Екатериновка). Воспользовавшись этим, Сорокин сосредоточил против Невинномысской значительные силы конницы, которые, переправившись через Кубань севернее Невинномысской, в ночь на 4-е рассеяли пластунов и овладели станицей.

6-го я был в войсках Боровского в Ново-Екатериновке. Учитывая важное значение перерыва Владикавказской железной дороги, я приказал им вновь атаковать Невинномысскую.

Боровский 7-го овладел атакой Корниловского полка станцией Барсуки, а 8-го атаковал Невинномысскую с трех сторон и занял станицу, отбросив большевиков к западу, за Рождественскую.

Три месяца уже армия вела непрестанные, кровопролитные бои – без отдыха, без смены. Части по многу раз переменили уже свой боевой состав; вливались новые эшелоны добровольцев с севера и юга России и кубанских казаков; уезжали и возвращались раненые; гибли тысячами воины; ожидали своей неминуемой участи уцелевшие, ибо казалось, что нет возможности выйти из этой кровавой эпопеи живым и не искалеченным. Но когда я бывал у кубанцев Врангеля и Покровского, у добровольцев Казановича, Дроздовского, Боровского не только в дни их побед, но и тяжелых неудач, я видел людей усталых, но бодрых и жизнерадостных. Они не жаловались на свою удручающую материальную обстановку и только просили «по возможности» патронов и пополнений. Им не нужны были пышные и возбуждающие слова приказов, речей, не нужны были обманчивые обещания социальных благ и несбыточных военно-политических комбинаций. Они знали, что путь их долог, тернист и кровав. Но большинство из них желали спасения Родины, верили крепко в конечную победу и с этой верой шли в бой и на смерть.

Враг был по-прежнему силен, жесток и упорен.

Последнее время, впрочем, обстановка как будто опять явно складывалась в нашу пользу… К 10 сентября главная масса Северо-Кавказской Красной армии находилась в положении почти стратегического окружения: на севере у Петропавловской стояла дивизия Врангеля, имевшая задачей опрокинуть Михайловскую

группу большевиков и наступать на Урупскую; у Армавира закрывал путь Дроздовский; на западе Покровский теснил майкопских большевиков к Лабе, направляясь к Невинномысской; на востоке – река Кубань и Боровский у Невинномысской; на юго-востоке – партизанские полки Шкуро у Баталпашинска и Беломечетской[94]]… По всему обширному району, зажатому между горами и Кубанью, по всем путям шли бесконечные большевистские обозы, направляясь на юго-восток… Из перехваченного приказа Сорокина от о сентября явствовало, что армия его потеряла надежду на возвращение Кубани и стремится пробиться к Минеральным Водам…

16 сентября получена была первая весть и от восставших терцев: «Казаче-крестьянский съезд» из Моздока радиотелеграммой приветствовал Добровольческую армию «как носительницу идеи Единой, Великой, Неделимой и Свободной России» и обещал «направить все силы для скорейшего соединения с нею».

Глава IX. Переход большевиков в контрнаступление в начале сентября 1918 года на Армавир, Ставрополь и по Верхней Кубани. Перемена большевистского командования и плана операции. Отступление большевиков в конце сентября к Невинномысской. Преследование их нашей конницей к Урупу. «Мятеж» Сорокина и его смерть. Террор в Пятигорске

10 сентября намерения большевистского командования обнаружились: для овладения вновь Владикавказской магистралью и обеспечения сообщений с Минераловодским районом в этот день Северо-Кавказская Красная армия перешла в наступление на широком фронте: Таманская группа – от Курганной на Армавир (с запада), и Невинномысская группа, усиленная уцелевшими частями, отступившими 6-го от Армавира? – на Невинномысскую и Беломечетскую (на юг и юго-восток).

11-го таманцы развертывались беспрепятственно против Армавира и 12-го атаковали Дроздовского, перешедшего к обороне. Первую половину дня большевики при поддержке сильного артиллерийского огня вели упорные атаки, охватывая город с севера. Но огнем и контратаками наших войск были отражены повсюду, понеся тяжелые потери; на севере им удалось, однако, перехватить железную дорогу. К вечеру новая колонна противника стала развертываться против южной части города.

Считая свои силы недостаточными и положение слишком рискованным, Дроздовский в ночь на 13-е оставил город и перешел на правый берег Кубани, в Прочноокопскую, сохранив за собой переправу у форштадта, прикрытую предмостным укреплением.

Еще в ночь на 11-е я приказал отправить из Екатеринодара по железной дороге на помощь Дроздовскому отряд полковника

Тимановского[95]], который подошел к Армавиру рано утром 13-го. Вместе с тем Дроздовскому послано было приказание 13-го перейти в наступление[96]].

Тимановский донес Дроздовскому о прибытии и о своем намерении начать атаку. Пополудни он с большой стремительностью атаковал противника с севера и овладел его позицией. Большевики отступили к городу. Но, не видя наступления 3-й дивизии и получив запоздалое приказание Дроздовского не ввязываться в этот день в бой[97]], Тимановский заночевал на позиции.

Я повторил приказание атаковать Армавир 14-го. Приведя дивизию у Прочноокопской на левый берег Кубани и соединившись с Тимановским, Дроздовский повел атаку на город с северо-запада, понес серьезные потери, но успеха не имел. К вечеру он прекратил наступление.

1-я конная дивизия все эти дни вела упорные атаки против Михайловской группы большевиков. Сотни кубанцев непрестанными налетами портили Туапсинскую дорогу, прерывая связь группы с Армавиром; правая колонна дивизии, атакуя с запада, разбила большевиков у Дондуковской и Каше-Хабля, заняв эти пункты. Михайловская группа большевиков была зажата, ослаблена, прикована, но все усилия разбить ее не увенчались успехом. Кубанцы несли большие потери, которые вновь и вновь пополнялись притоком, идущим из освобожденных станиц.

Я был 16-го в отряде Дроздовского. Он считал бесцельным дальнейшее наступление на Армавир, пока не будет разбита Михайловская группа… Согласившись с ним, я оставил на армавирском направлении слабый заслон полковника Тимановского и в тот же день двинул Дроздовского с главными силами против Михайловской, дав ему задачу – нанести быстрый и внезапный удар с востока во фланг и тыл Михайловской группе и совместно с конницей Врангеля разбить ее. Дроздовский вышел только к вечеру 17-го на фронт Врангеля и принял иное решение: ночью произвести смену 1-й конной дивизии на ее позиции и с 7 часов утра 18-го атаковать с востока в тыл Михайловской. Атака Дроздовского не имела успеха; части его понесли тяжелые потери и к вечеру отошли к Петропавловской. Полное истощение артиллерийских патронов послужило немалой причиной увеличения числа жертв.

Между тем Врангель, обойдя Михайловскую, вышел в тыл Михайловской группе и овладел Курганной, перехватив коммуникации противника. Здесь в течение дня он вел успешный бой на три стороны против неприятельских войск и бронепоездов.

Но когда, отбив Дроздовского, большевики от Михайловской повернули против 1-й конной дивизии, и к тому же обозначилось наступление с юго-востока от Константиновской, положение Врангеля между двумя речками стало весьма тяжелым; с наступлением сумерек он с трудом, но благополучно вывел дивизию по единственной переправе – железнодорожному мосту через Чамлык.

Армавирская группа большевиков в эти дни осталась пассивной.

На западе, на верхней Лабе, успешно боролась 1-я Кубанская дивизия Покровского. Отбросив противника, занимавшего линию реки Фарс, он широким фронтом (40–50 верст) наступал к Лабе, направляя главные силы против Лабинской и Зассовской. К 14 сентября Покровский, опрокидывая противника, подошел на всем фронте к Лабе, захватив Мостовое и, переправивши часть сил через Лабу, преследовал большевиков, бегущих к Владимирской и Вознесенской. Тысячи повозок обоза, множество пленных попали в наши руки; кроме того, было отбито около двух тысяч уведенных большевиками кубанских казаков. Этот значительный успех, создававший угрозу северным группам противника, встревожил большевистское командование. Майкопская группа была усилена и 15-го на всем фронте перешла в наступление, оттеснив Покровского на левый берег Лабы. Десять дней продолжались бои с большевиками, перешедшими вновь в нескольких местах Лабу и наступавшими в общем направлении на Майкоп. В ночь на 28-е большевики, отчаявшись в успехе наступления на этом фронте, ушли за Лабу, теснимые по пятам кубанцами, переправившимися также у Владимирской.

Положение здесь оставалось по-прежнему весьма угрожающим для большевиков.

Неудачно для нас складывалась обстановка на левом фланге. Сорокин, сосредоточив крупные силы против Невинномысской, с 10 сентября несколько раз настойчиво атаковал Боровского, но понес большие потери и вначале успеха не имел. Наконец 15-го он принудил Боровского отойти к Ново-Екатериновской и овладел Невинномысской, открыв вновь сообщение своей армии по Владикавказской магистрали.

Еще южнее действовал партизан Шкуро. Широко привлекая в свои ряды кубанское казачество, подымая поголовно станицы Баталпашинского отдела, он развернул уже свой отряд в дивизию и совместно со станичными гарнизонами успешно отражал нападение большевиков, стремившихся перейти верхнюю Кубань в районе Беломечетской Но в те дни, когда Сорокин атаковал Невинномысскую, Шкуро, тяготевший по мотивам не

стратегическим к Кисловодску, повернул на юг и 12-го с боя взял этот город. Через две недели под давлением большевистских отрядов, наступавших с севера и востока на Бугурустанскую и Кисловодск, Шкуро, с которым очень трудно было поддерживать связь, очистил город и был привлечен в район армии. Большевики жестоко расправились с кисловодской буржуазией Очередная сводка отметила своим бесстрастным языком «мелкий боевой эпизод»: «Чтобы сосредоточить все усилия для активных действий в направлении на станцию Курсавку, полковник Шкуро оставил Кисловодск». А сам партизан 28-го уже опять бил большевиков, брал пленных и пулеметы в районе Владикавказской магистрали…

В то время, как Невинномысская группа большевиков против фронта Боровского, по-видимому, все больше усиливалась, назревала серьезная угроза и его тылу и сообщениям в Ставропольском районе. В результате работы в сентябре месяце на северо-востоке и востоке Ставропольской губернии сорганизовались две сильные группы: в районе Дивное – 2-я Ставропольская дивизия, или группа Ипатова (12 тысяч штыков, 1 тысяча сабель), и в районе Благодарное – 1-я Ставропольская дивизия, или группа Рыльского (5 тысяч штыков, 500 сабель); кроме того, к северо-востоку от Петровска стоял отряд Жлобы силою до 6 тысяч, устраивавшийся после поражения, нанесенного ему 14 сентября полковником Улагаем.

Против этих частей мы имели мелкие отряды восточнее Медвежьего, у Донского, гарнизон Ставрополя и 2-ю Кубанскую дивизию у Петровского, общей численностью 4–5 тысяч.

16 сентября 2-я Ставропольская дивизия большевиков начала наступление одновременно в трех направлениях: на Торговую, Медвежье и Донское. через три дня, сбив наши охраняющие части, дошла на севере до Немецко-Хангинского, а главными силами – до реки Егорлык на фронте Преградное-Безопасное. Для прикрытия Торговой мною был переброшен по железной дороге небольшой отряд, а к станции Егорлык стянуты с разных сторон 1½-2 тысячи и 2 орудия. В командование этим сборным отрядом[[98]] вступил генерал Станкевич, который получил задачу обеспечить с севера Ставрополь.

Выдвинувшись к Безопасному, он отбросил противника, и на несколько дней здесь водворилось спокойствие. В свою очередь полковник Улагай в районе Благодарного 28-го разбил 1-ю Ставропольскую дивизию и на некоторое время вывел ее из строя. Но 2-я Ставропольская дивизия в конце месяца вновь перешла в наступление крупными силами и отбросила отряд генерала Станкевича; в то же время северная колонна ее заняла села по

нижнему Егорлыку в одном переходе от Торговой.

Необходимо было как можно скорее ликвидировать эту постоянную угрозу нашей связи с Доном и войсками правого берега Кубани, тем более, что у Невинномысской шло сосредоточение крупных большевистских сил.

Я стянул в Ставрополь-Армавирский район все силы Добровольческой армии[99]].

1-ю дивизию Казановича сосредоточил против Армавира, а 3-ю – Дроздовского перевел на правый берег Кубани для смены Боровского. Последнему приказано было, объединив командование над войсками Ставропольского района и, присоединив к ним свою 2-ю дивизию, очистить в возможно короткий срок север губернии.

Смена на фронте против Невинномысской закончилась 2 октября, а 6-го соединенными силами Станкевича, Улагая и 2-й дивизии большевики были разбиты у Терновки. Принявший командование над колонной генерал Станкевич преследовал противника на северо-восток и в боях 12-14-го в районе Большой Джалги, в которых приняла участие и шедшая от Торговой вдоль Маныча Донская бригада, нанес им вновь сильное поражение. Дальнейшее преследование стало невозможным, так как в эти дни у Невинномысской и Ставрополя разразились события, потребовавшие спешного возвращения туда 2-й дивизии и конницы Улагая.

Тяжкие сентябрьские бои обескровили и нас, и противника. Они, кроме того, подорвали дух в большевистских войсках, вселили и в них, и в советах еще большее недоверие к своему командованию.

Усилилось также общее неудовольствие Сорокиным. Во второй половине сентября на собрании большевистских командиров в Армавире командовавший Таманской группой Матвеев при общем одобрении заявил, что выходит из подчинения Сорокину. Матвеев был вызван в Пятигорск и там по приговору военно-революционного суда расстрелян. Эта казнь вызвала сильное возмущение в войсках Таманской группы и страшное озлобление лично против Сорокина.

22 сентября ЦИК Северо-Кавказской республики, сообразно новой организации центрального Московского управления[100]] и полученных свыше указаний, отменил единоличную власть главнокомандующего и во главе Северокавказской армии поставил Реввоенсовет под председательством Полуяна[101]] и членов: Сорокина, Гайчинца[102]], Петренко[103]] и Крайнего[104]]. Прежний штаб Сорокина был устранен и сформирован новый в составе нескольких большевистских

деятелей во главе с казачьим офицером Одарюком.

К концу сентября относится также перемена стратегического плана большевистского командования: было решено оставить Кубань и, прикрываясь сильными арьергардами на Лабе и у Армавира, отступить на юго-восток, в общем направлении на Невинномысскую.

Признаки отхода колонн и обоза мы замечали еще в 20-х числах сентября. В ночь на 1 октября арьергард Михайловской группы, взорвав мост у Каше-Хабля, стал отходить в направлении на Урупскую. Это обстоятельство побудило перейти в решительное наступление все три наши левобережные дивизии.

Генерал Казанович 1 октября атаковал Армавир. Части его ворвались было уже в город, но контратакой противника были отброшены с большими потерями, особенно тяжелыми в Сводно-гвардейском полку[[105]].

Генерал Врангель, опрокидывая арьергарды противника и догоняя главные силы его, в первый же день прошел до 50 верст, следуя на Урупскую и Бесскорбную. В последующие дни на Урупе произошел ряд серьезных боев с переходившим не раз в контрнаступление противником, который был в конце концов смят и отброшен за реку. Дивизия после жестокого уличного боя заняла 6-го Бесскорбную, 7-го – Урупскую, но дальнейшее продвижение ее было остановлено большевиками.

Генерал Покровский, отбросив заслоны большевиков, перешел Лабу и атаковал 2-го Вознесенскую и Упорную, но взять их не мог. 3-го большевики сами перешли в наступление – в первом направлении неудачно, во втором – силами до 4 полков пехоты и многочисленной конницы оттеснили Покровского обратно за Лабу. На следующий день он вновь и вновь атаковал и после многих упорных боев к 7-му вышел к Урупу, овладев Попутной и Отрадной.

Обе дивизии нанесли противнику большой урон, захватили много пленных и оружия, но сопротивление его было по-прежнему упорным.

К 10 октября положение на фронте было следующим:

1-я дивизия стояла под Армавиром, 1-я конная и 1-я Кубанская – по Урупу до Отрадной. Далее шел изменчивый фронт Партизанской бригады (дивизии) и ополчений Баталпашинского отдела, который проходил примерно от Отрадной (связь с Покровским), севернее Беломечетской, подходя и временами захватывая Воровсколесскую (в 14 верстах от станицы Курсавки), далее на Суворовскую. Шкуро, очищая от большевиков Баталпашинский отдел, производил с успехом непрестанные нападения на железные дороги, расстраивая движение по ним и

угрожая все время сообщениям противника. От Армавира по правому берегу Кубани и далее от Барсуковской на Ново-Екатериновку стояли местные гарнизоны, пластунские батальоны и 3-я дивизия.

В этом чрезвычайно оригинальном остром углу в качестве арьергардов по Урупу и Кубани располагалось около 20 тысяч большевистских войск; по линии Курсавка-Минеральные Воды для непосредственного охранения железной дороги от нападений Шкуро – 4–5 тысяч; и в районе Невинномысской сосредоточился сильный кулак до 20 тысяч.

Дальнейшее направление его было нам неведомо.

Я не знаю, чьей инициативе принадлежит последующий план действий Северо-Кавказской армии большевиков. Были ли директивы из Москвы, решил ли вопрос Реввоенсовет или оказал давление созванный в то время Сорокиным и заседавший в Невинномысской Чрезвычайный съезд советов и представителей Красной армии.

Перед большевистским командованием стояло три направления отхода: по Владикавказской железной дороге, упирающейся в Кавказские горы или Каспийское море; на Святой Крест – с отходящим от него Астраханским трактом; наконец, третье, сопряженное с новыми боями, – на Ставрополь, с возможностью пользоваться Астраханским трактом и открыть связь и сообщение с Царицыным и прикрывшей его 10-й советской армией, левый фланг которой подходил к Манычу у Кормового[[106]].

До нас доходили сведения еще в сентябре, что по этому поводу возникли большие трения в среде командного состава и что Сорокин и Гайчинец – сторонники движения на Святой Крест, Матвеев – на Ставрополь.

В результате длительных споров и колебаний большевистское командование приняло решение: перебросив свои тылы на Святой Крест, двинуться к Ставрополю с целью овладения им.

Сорокин не принимал уже активного участия в операции. В то время, когда большевистские войска под начальством Федько атаковали Ставрополь, он, опальный главнокомандующий, со своим штабом и конвоем находился в Пятигорске. Опасаясь расправы со стороны третируемых им и не доверявших ему большевистских главарей, Сорокин задумал устроить переворот с целью захватить в свои руки верховную военную власть. 13 октября он арестовал председателя ЦИК Кавказской республики Рубина, товарищей председателя Дунаевского и Крайнего, члена ЦИК Власова и начальника «чрезвычайной комиссии» Рожанского. Все эти лица, кроме Власова, евреи – были в тот же день

расстреляны. По объяснению приближенных Сорокина, пойманных и заключенных в тюрьму, Сорокин – яркий юдофоб – «ненавидел евреев», возглавлявших кавказскую власть, и «решился на кровавую расправу, негодуя на постоянное вмешательство ЦИК в военное дело, что мешало военным операциям»[107]].

Но съезд советов и представителей фронта постановил объявить Сорокина вне закона, «как изменника революции», и доставить его в Невинномысскую «живым или мертвым для всенародного… суда».

Не найдя поддержки в армии, Сорокин бежал из Пятигорска в направлении Ставрополя; 17 октября был пойман одним из таманских полков возле города, привезен в ставропольскую тюрьму[108]] и там убит во время допроса командиром 3-го Таманского полка Висленко.

Выступление Сорокина отозвалось трагически на судьбе минераловодской интеллигенции. Еще после захвата Кисловодска Шкуро и восстания терских казаков тюрьмы Минераловодской группы были заполнены заложниками, которые согласно приказу «чрезвычайки» подлежали расстрелу «при попытке контрреволюционного восстания или покушения на жизнь вождей пролетариата». Когда умер командовавший Северо-Западным фронтом «товарищ» Ильин от ран, полученных в бою с добровольцами, чрезвычайная комиссия казнила в его память 6 заложников. После расстрела Сорокиным членов ЦИК обещание было исполнено в более широком масштабе: «чрезвычайка» постановила «в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей» расстрелять заложников по двум спискам 106 человек. В их числе были генералы Рузский и Радко-Дмитриев, зверски зарубленные 18 октября. Обоим им большевистские главари неоднократно предлагали стать во главе Кавказской Красной армии, и оба они отказались от предложения, заплатив за это жизнью.

«В одном белье, – говорится в описании „Особой комиссии“, – со связанными руками повели заложников на городское кладбище, где была приготовлена большая яма… Палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шеи. Вслед этим наносили удары шашками… Каждого заложника ударяли раз по пяти, а то и больше… Некоторые стонали, но большинство умирало молча… Всю эту партию красноармейцы свалили в яму… Наутро могильщики засыпали могилы… Вокруг стояли лужи крови… Из свежей едва присыпанной могилы слышались тихие стоны заживо погребенных людей. Эти стоны донеслись до слуха Обрезова (смотрителя кладбища) и

могильщиков. Они подошли и увидели, как „из могильной ямы выглядывал, облокотившись на руки, один недобитый заложник (священник И. Рябухин) и умолял вытащить его из-под груды наваленных на него мертвых тел… По-видимому, у Обрезова и могильщиков страх перед красноармейцами был настолько велик, что в душах их не осталось более места для других чувств – и они просто забросали могилу землей… Стоны затихли“.

Сохранился рассказ о последнем разговоре генерала Рузского со своим палачом[[109]].

– Признаете ли вы теперь великую российскую революцию?

– Я вижу лишь один великий разбой.

Глава X. Оставление нами Ставрополя, бои под Армавиром, на Урупе и в Баталпашинском отделе. Очищение от большевиков левого берега Кубани. Двадцативосьмидневное сражение под Ставрополем (10 октября – 7 ноября)

10 октября Невинномысская группа большевиков перешла в наступление на север, на фронт Дроздовского. Это было началом решительного для Добровольческой армии двадцативосьмидневного сражения под Ставрополем.

Отряду Дроздовского[110] предстояло всемерно задерживать противника до подхода с севера 2-й и 2-й Кубанской дивизий.

10-го Дроздовский отразил наступление большевиков, и только на правом фланге его большевики сбили пластунов и овладели Барсуковской. На следующий день он сам перешел в контратаку, понес серьезные потери, но безуспешно. Ввиду того, что на западе была потеряна важная позиция – гора Недреманная, Дроздовский с рассветом 12-го отошел к Татарке, в 11 верстах от города, где в ночь на 14-е был вновь атакован большевиками и отброшен к северу. В течение дня 14-го Дроздовский вел напряженный бой на подступах к Ставрополю, стараясь при помощи подошедшего с севера Корниловского полка вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Атаки корниловцев и самурцев не имели успеха, и пополудни дивизия очистила Ставрополь, отступив к северу. Толпы мирного населения покидали злополучный многострадальный город, спасаясь от большевистского нашествия. В Ставрополь вошли красные войска и приступили к расправе…

Одновременно с наступлением главных сил большевиков в направлении Ставрополя колонна их продвигалась вниз по Кубани, захватывая переправы, причем к 14-му весь правый берег до У беженской оказался в их руках.

В течение ближайших дней противник вел частные атаки в северном направлении для обеспечения Ставрополя, не стремясь

или не будучи в силах развивать свой успех над ослабленными и разрозненными частями нашей Ставропольской группы. И к 18-му, когда подтянулись части 2-й и 2-й Кубанской дивизий, Ставропольская группа Боровского располагалась по фронту Ново-Марьевка-село Пелагиада-Дубовка, в 13–20 верстах от города. Фронт большевиков шел кругом Ставрополя через Надеждинское-Михайловское-Сенгилеевское-Ново-Екатериновку.

Я с полевым штабом и, как всегда, с начальником штаба, с которым мы были неразлучны, находился в эти дни на армавирском направлении. Отдав генералу Казановичу последний батальон и не имея более в своем распоряжении резервов, я видел возможность успеха только в настойчивом выполнении основного плана, и в частности в развитии активности нашего Западного фронта. Генералам Казановичу, Врангелю и Покровскому было подтверждено напрячь крайние усилия, чтобы сбросить Левобережную группу противника в Кубань и тем развязать нам руки на ставропольском направлении.

Генерал Казанович 13 октября внезапной атакой овладел Армавиром, захватив большие трофеи. На другой день его дивизия отбросила противника за Уруп, разбила его вновь у Коноково и, преследуя обоими берегами, к 16-му дошла до Николаевки и Маламино.

Конница генерала Врангеля не могла развивать этот удар: с 10-го числа она была прикована к Урупу настойчивыми атаками противника, причем Бесскорбная несколько раз переходила из рук в руки. Только 15-го дивизия вышла частью сил на правый берег Урупа и имела там некоторый успех. Но 17-го большевики перешли в контратаку на всем фронте между Урупом и Кубанью и оттеснили конные части генерала Врангеля за Уруп, а дивизию генерала Казановича – под Армавир к разъезду Вольному…

В эти дни Минераловодская группа несколько раз возобновляла наступление на полковника Шкуро по всему фронту от Невинномысской до Суворовской, но безрезультатно, и партизаны по-прежнему совершали удачные набеги на железную дорогу.

Не было ни сведений, ни донесений от генерала Покровского. Наблюдая 17-го бой у Казановича, я убедился, что здесь разрешения задачи искать трудно. Послал вновь приказание Покровскому о крайней необходимости взятия Невинномысской и выхода в тыл Армавирской группе противника…

Только 21-го мы получили радостное известие, что 18-го Покровский после упорного боя овладел и станцией Невинномысской, захватил там большую военную добычу и преследует большевиков на северо-запад и на юго-восток… От

Армавира и Урупа потянулись уже большевистские резервы в сторону Невинномысской, вступившие в бой с Покровским 19-го, но отброшенные к северу, в то время, как часть нашей конницы, распространяясь вдоль железнодорожной линии, заняла станцию Барсуки.

Этим ослаблением сил Армавирской группы воспользовалась 1-я конная дивизия, 20-го генерал Врангель произвел перегруппировку, оставив заслон у Урупской и перебросив главные силы к Бесскорбной 21-го, перейдя реку, он обрушился на большевистскую дивизию, разбил ее наголову и преследовал уцелевшие остатки ее в направлении Успенской; юго-восточнее такая же участь постигла еще два большевистских полка… 22-го доблестная дивизия продолжала преследование, добивая отставшие части противника, и захватила станцию Овечка, куда вскоре подошла пехота Казановича с бронепоездом За эти два дня кубанцы Врангеля взяли около 2 тысяч пленных, 19 пулеметов, огромные обозы.

Немногие уцелевшие войска Армавирской группы, прижатые к Кубани, текли безостановочно на юго-восток; совместно с отрядами, остававшимися на левом берегу Кубани, они с мужеством отчаяния обрушились на Покровского и 21-го выбили его из Невинномысской Только 23-го после трехдневных тяжелых боев он вторично и окончательно овладел Невинномысской.

1-я конная дивизия сосредоточилась в районе Успенской, 1-я – у Овечки.

18 октября в одной из хат станицы Рождественской собралось офицерство 3-й, отчасти 2-й дивизий; я ожидал, что после перенесенных безмерно тяжелых боев и ставропольской неудачи увижу хоть тень моральной усталости и разочарования… И был глубоко обрадован их настроением. Они жадно ловили всякий намек на улучшение общего положения и интересовались только тем, что облегчало нам дальнейшее ведение борьбы. Я видел части – сильно поределые, истомленные, полуобмерзшие, в обтрепанный легкой одежде – зимняя стужа наступила в этом году рано – и тем не менее готовые к новым боям.

Я мог порадовать их последними сведениями о европейских событиях, о падении Германии, торжестве союзников и об открывающихся перспективах. Помогут ли нам союзники войсками – не знаю, но материальную частью – несомненно и в широком масштабе. Это, впрочем, дело будущего. А теперь я привез с собою немного теплой одежды, несколько сот пополнений, на сей раз много патронов и… глубокую, ничем не сокрушаемую уверенность в доблести добровольцев, которая приведет, несомненно, к нашей победе в предстоящем

решительном сражении.

Первые успехи на Шурупе и под Невинномысской вызвали большой подъем в нашей Ставропольской группе, несколько отдохнувшей и пополненной.

22-го генерал Боровский перешел в наступление по всему фронту.

2-я и 3-я дивизии направлены были на Ставрополь с севера по обеим сторонам железной дороги, 2-я Кубанская дивизия – через Надеждинскую с востока. В первый же день Боровский имел некоторый успех: пластуны заняли Сенгилеевскую, Улагай – Надеждинскую, а 2-я и 3-я дивизии, хотя и с тяжелыми потерями, дошли до самой окраины города, 23-го бой продолжался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья. Мой полевой штаб находился в эти дни под Ставрополем на станции Рыдзвяная, и я с генералом Романовским и несколькими офицерами штаба, следуя со 2-м Офицерским полком, вошли в монастырь несколько преждевременно: попали под контратаку противника, вскоре, впрочем, отраженную.

Далее войскам Боровского продвинуться оказалось не под силу. 24-го противник сам переходил многократно в контратаки, особенно настойчивые на фронте 3-й дивизии и Корниловского полка; обе стороны понесли тяжелые потери, и наступление наше захлебнулось.

Так как к тому времени левобережные дивизии закончили свою операцию, я получил возможность все силы Добровольческой армии направить против Ставрополя.

Генералу Боровскому на северном Ставропольском фронте приказано было временно перейти к активной обороне; генералу Врангелю, очищая попутно правый берег Кубани в сторону Убеженской и Николаевской, сосредоточиться в Сенгилеевской для атаки Ставрополя с запада; генералу Казановичу – наступать через гору Недреманную и Татарку с юга; генералу Покровскому, совместно с Партизанской дивизией Шкуро, через Темнолесскую – с юго-востока; для удержания Невинномысской оставался отряд генерала Гартмана – пластунские батальоны 1-й и 1-й Кубанской дивизии, а ополчения Баталпашинского отдела должны были обеспечивать операцию со стороны Минераловодской группы противника.

Я съездил вновь на армавирское направление, видел войска Казанозича и Покровского под Невинномысской, куда приехал и Шкуро. И по вынесенному впечатлению от чудесного настроения войск и начальников не беспокоился более за окончательный исход Ставропольской операции.

Вернувшись к Ставрополю, я застал все то же положение. В течение четырех дней большевики вели упорные атаки на всем фронте Боровского. Мы потеряли Сенгилеевскую, но сохранили свое положение под Ставрополем ценою новых тяжелых потерь. В то же время 2-я советская Ставропольская дивизия, воспользовавшись ослаблением заслона генерала Станкевича, с 17-го перешла в наступление и к 24-му отбросила его от Большого Джалги к Тахтинскому, где он и сдерживал в дальнейшем противника.

Войска с юга между тем подвигались. К 29 октября генерал Врангель, очистив берег Кубани и разбив большевиков у Сенгилеевской, подступил к Ставрополю с запада; генерал Казанович атаковал гору Недреманную[111]; генерал Покровский, сбивая арьергарды противника, к вечеру 28-го дошел до горы Холодной, в 10 верстах к юго-востоку от Ставрополя; обе фланговые дивизии вошли в связь с частями Боровского.

Это тактическое положение внесло крайнюю нервность в настроение обложенного кругом города и в ряды большевистских войск. Город был забит тысячами раненых, больных, тифозных большевиков, и каждый день увеличивал число их. Все пути подвоза были отрезаны. В Ставрополе, как передавали вырвавшиеся оттуда, носились уже зловещие слухи об измене… Некоторые большевистские части постановляли тайно сдаваться нам, но попытки их в этом направлении ликвидировались поставленными сзади позиций пулеметами. Только Таманская группа, стоявшая против войск Боровского, оставалась вполне надежной и решила «драться до последнего…»

Большевистское командование решило, очевидно, прорвать блокаду, 29-го советские войска крупными силами обрушились на весь фронт генерала Боровского и отбросили 3-ю дивизию, понесшую вновь громадные потери, версты на две от ее позиций. На прочих участках многократные атаки противника успеха не имели.

Этот день стоил и нам, и в особенности противнику, очень дорого. Изнуренные потерями большевики 30-го не возобновляли атак.

Между тем с юга кольцо сжималось: генерал Казанович, атаковав 29-го гору Недреманную с крутыми скатами, взял ее, отбил несколько контратак и 30-го подошел к Татарке; рядом и восточнее генерал Покровский атаковал гору Базовую и Холодную. На горе Холодной был захвачен и закрыт ставропольский водопровод.

К 29 октября с занятием Покровским станицы Темнолесской вся Кубанская область была освобождена от большевиков.

Большевистское командование еще раз напрягло все свои силы, чтобы вырваться из окружения, и на рассвете 31-го вновь атаковало на севере фронт группы Боровского, на юго-востоке – конницу Покровского. На этот раз совершенно растаявшие полки 2-й и 3-й дивизий не выдержали и опрокинутые и преследуемые противником поспешно уходили на северо-запад, остановившись только на высоте селения Пелагиады. Конница Улагая отошла к Дубовке. Части Покровского были также несколько потеснены.

Отбиваясь от наступавших большевиков с перемешанными остатками своей дивизии и ведя их лично в контратаку, доблестный полковник Дроздовский был тяжело ранен в ступню ноги… Пал сраженный пулей в висок командир Корниловского полка полковник Индейкин…

Ввиду пассивности большевиков на западном их фронте генерал Врангель, оставив против него часть сил, с четырьмя полками кубанцев[[112]] свернул на Ново-Марьевку, ударил в тыл наступавшей там левой колонне противника и, отбросив его к северо-востоку, занял вновь монастырь и предместье, оставленные дроздовцами.

Наступила ночь. На севере все стихло, но на юге и западе шел еще сильный огонь…

Прорыв удался. Большевики вырвались из кольца. Образовав новый фронт по линии Дубовка (южнее) – Михайловское – Ставрополь – гора Базовая, они поспешно стали перебрасывать свои тылы в направлении Петровского…

Еще из Невинномысской я и старшие кубанские начальники снеслись телеграфно с кубанским правительством по вопросу об отсрочке открытия Краевой Рады, назначенного на 28 октября, до окончания Ставропольской операции, чтобы дать возможность кубанским начальникам, избранным членами Рады, принять участие, по крайней мере, в первых ее шагах… Это предложение вызвало возмущение в рядах Черноморской группы и обвинение командования в саботировании Рады. Кубанское правительство не сочло возможным отложить открытие Рады. Частное совещание ее 27-го постановило лишь в программу первых дней включить вопросы внутреннего распорядка, а торжественное заседание в моем присутствии назначить на 1-е ноября.

Считая весьма важным в политическом отношении мое обращение к Раде до начала ее работ, я в ночь на 1-е решил поехать на несколько часов в Екатеринодар. Во время произнесения мною в Раде речи пришла телеграмма, что бригада 1-й конной дивизии генерала Бабиева ворвалась в Ставрополь… Это известие, которым я поделился с Радой, вызвало бурную радость всех собравшихся… Той же ночью я вернулся в

Пелагиаду. Оказалось, что генерал Бабиев занимал 1-го вокзал, но противник остался еще в городе, и только пополудни 2-го при поддержке Самурского и 1-го Кубанского стрелковых полков и броневиков 1-й конной дивизии удалось окончательно овладеть городом.

Ставрополь был взят. Большевики оставили в нем 2½ тысячи непогребенных трупов и до 4 тысяч невывезенных раненых. На дверях лазаретов были надписи: «Доверяются чести Добровольческой армии…» Они могли рассчитывать на безопасность своих раненых. Мы – почти никогда. Во всяком случае, наши офицеры, попадавшие в руки большевиков, были обречены на мучения и верную смерть.

Но большевики, понесшие огромные потери, проявили все же упорство необыкновенное, 3-го я двинул войска в наступление на восток, и в тот же день большевики тоже перешли в наступление, опять оттеснив наши части, действовавшие севернее Ставрополя, и оказывая вместе с тем упорное сопротивление Казановичу у Надеждинского. Четыре дня еще шли бои возле Ставрополя, и только 7-го путем полного напряжения сил наша атака лучших и наиболее сохранившихся красных войск – Таманской группы, сосредоточенной в районе Тугулук-Дубовка-Пелагиада, увенчалась окончательным успехом: наступление остатков пехотных дивизий с запада, дивизии полковника Улагая с севера, конницы генерала Врангеля с юга от Ставрополя – войска противника были окружены, разбиты наголову и обратились в паническое бегство. Их преследовали в направлении Петровского 1-я конная и 2-я Кубанская дивизии, сведенные после своего соединения в конный корпус под начальством генерала Врангеля. Восточную группу красных, отходивших на Старо-Марьевское и Бешпагир, преследовали части Покровского и Шкуро.

А в те же памятные дни случилось и другое знаменательное событие, произведшее на Юге огромное впечатление: союзный флот вошел в Черное море, и 9 ноября первые суда его появились на рейде Новороссийска

Сражение под Ставрополем имело громадное значение для Добровольческой армии Пройдет еще 2½ месяца в непрестанных боях, Северо-Кавказская большевистская армия, развертываясь и пополняясь, вновь будет насчитывать 60–70 тысяч бойцов, но уже никогда не оправится от нанесенного ей поражения.

Основные части Добровольческой армии во второй раз[[113]], казалось, гибли. 2-ю, 3-ю дивизию, некоторые пластунские батальоны пришлось вывести на длительный отдых для формирования и пополнения, 1-я оставалась еще на Ставропольском фронте. В добровольческих полках, проведших

через свои ряды по многу тысяч людей, оставалось налицо 100–150 штыков. Несколько лучше было положение кубанских конных дивизий, в которые безостановочно с занятием каждой новой станицы приливала живая волна.

Люди гибли, но оставались традиции, оставалась идея борьбы и непреклонная воля к ее продолжению. Старые, обожженные, обрубленные, но не поваленные стволы обрастали новыми ветвями, покрывались молодой листвой и снова стояли крепко в грозу и в бурю.

Глава XI. События на Дону осенью 1918 года: положение на фронте, взаимоотношения с Добровольческой армией, проект Доно-Кавказского союза, Донской круг

Продолжалась борьба с большевиками и на Дону.

В начале августа против 54 тысяч донцов[[114]] Советская власть имела вначале 40, потом 66½ тысяч штыков и сабель. Донская армия достигла почти рубежей Войска на севере, западе и юге; только на востоке в Сальских степях большевики владели еще небольшой частью донской территории. Но административные рубежи области не имели никакого стратегического значения и не были обороноспособны. Необходимо было поэтому продвинуться к рубежам стратегическим, заняв важнейшие узлы дорог. Между тем казаки не желали продвигаться дальше границ своей области – «нам чужого не надо», рассчитывая, что большевики удовлетворятся такой их «лояльностью». Заблуждение, невзирая на неоднократные кровавые уроки, прочно владевшее казачеством и поддерживаемое большевистской пропагандой: «долой войну, мы вас не тронем..» Пришлось в стратегию вмешаться Кругу[[115]], который в особом указе от 18 августа повелел Донскому войску «для наилучшего обеспечения наших границ… выдвинуться за пределы области, заняв города Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний».

Но под влиянием настроений фронта уже через месяц поколебалась и твердость Круга, найдя отражение в закрытом заседании 18 сентября.

Одно из окружных совещаний внесло заявление: «Казаки на фронте ждут мира или поддержки. Всякое замедление поведет к гибели казачества, а потому совещание задает вопрос: 1) на какую и когда поддержку можно рассчитывать и 2) возможно ли добиться путем переговоров прекращения Гражданской войны…»

Атаман ответил, что дипломатические переговоры с Советской властью ведутся через дружественную Украину и обещано содействие германского командования… Что помогут

добровольцы после освобождения Кубани… Что «ни о какой гибели речи быть не может, казачество накануне победы…». Но, «считаясь с усталостью казаков на фронте…», на севере приказано прекратить наступление… Войска отойдут за укрепленную линию (»с проволочными заграждениями») Богучар-Калач-Кантемировка, которую займет (»русская») Южная армия… Так же будет устроено на северо-востоке… Словом, «мы переходим к обороне, и она будет вестись главным образом артиллерией, пулеметами и ружейными батареями. Войска перейдут почти к караульной службе…»[116]]

Такими иллюзиями, стоявшими в полном противоречии со стратегией, психологией и практикой Гражданской войны и передающими всю инициативу в руки противника, приходилось донским генералам успокаивать нервы представителей на Круге и воинов на фронте. В этом отношении положение мое было неизмеримо легче, чем атамана: Добровольческая армия, по крайней мере, основные ее части, шли беспрекословно туда, куда я ее вел.

Всю осень тем не менее на Донском фронте продолжались бои, временами с большим напряжением. На севере донцы овладели городами Калачом и Павловском. В половине сентября большевики крупными силами перешли там в контрнаступление от станицы Таловой, но были разбиты генералом Гусельщиковым. Серьезные недоразумения между «главкомом» Подвойским и одним из видных красных начальников Сиверсом подорвали положение Подвойского и повели к прекращению задуманной здесь наступательной операции. В начале августа большевики повели наступление и от Царицына и оттеснили генерала Мамонтова за Дон. Но, подкрепленный крепкими частями – пластунской бригадой и конной дивизией из состава Молодой армии, в сентябре Мамонтов вновь подошел к самому Царицыну; в начале октября царицынская «тройка» (Сталин-Минин-Ворошилов) посылала в центр отчаянные телеграммы, считая положение города безнадежным… Их выручило, однако, прибытие из Ставропольского района «стальной» дивизии Жлобы. Жлоба, много раз терпевший неудачи в боях с добровольцами и не ладивший с северокавказским командованием, бросил тайно фронт и пошел к Царицыну. Реввоенсовет «за преступное, самочинное, губительное для дела революции оголение фронта» объявил Жлобу «вне закона», причем «каждый честный гражданин Советской республики обязан (был) его расстрелять без промедления…»[117]] Но роль, сыгранная Жлобой под Царицыным, очевидно, примирила с ним Советскую власть, так как имя его еще не раз потом встречалось в оперативных сводках.

Под угрозой охвата своего правого фланга дивизией Жлобы донцы вновь принуждены были отойти к Дону.

В то время, как на фронте Дона шла борьба с перемежающимися приступами то высокого подъема, то ослабления воли к сопротивлению, на Южном фронте Красной армии положение было многим хуже. Целый ряд военных мятежей, отказов от исполнения боевых приказаний, крупных ссор между красными начальниками знаменуют этот период операций советских войск, не блещущий боевым вдохновением. С огромным упорством большевистское командование стягивало, однако, на Дон новые войска за счет Украинского, «внутреннего» и даже Восточного фронтов. В конце октября, ко времени падения Германии, в районе Поворино – Балашов сосредоточился сильный кулак из войск 9-й армии Егорова, побудивший донское командование ослабить напряжение в царицынском и воронежском направлениях и стягивать силы к северо-востоку области.

Поздняя осень и зима 18–19 года принесут с собою новые кровопролитные сражения, потребуют от Донского войска громадного напряжения сил и новых жертв…

Отношения между добровольческим и донским командованиями оставались по-прежнему весьма тягостными. Они проявлялись в повседневной жизни на каждом шагу и вносили нервирующий элемент в текущую работу. Точек же соприкосновения в этой, по существу общей, работе было слишком много.

Продолжалось и расхождение политическое.

В последних числах июля кубанский атаман прислал мне поступившую к нему от генерала Краснова для подписания декларацию Доно-Кавказского союза.

Текст ее гласил:

> «Под тяжестью ударов судьбы, обрушившихся на нашу Родину, в видах сохранения своей независимости, благополучия и достояния и общности интересов близких по духу народов, населяющих Юго-Восток, в октябре 1917 года мы провозгласили себя „Юго-Восточным союзом“, пребывая в уверенности, что общими усилиями союз этот сумеет противостоять наступающим темным силам, поправшим все Божеские и человеческие законы.
>
> Начавшаяся борьба с большевиками дала временный успех последним.

Ныне Господь благословляет успехом наше оружие: край наш ожил. Однако, имея в виду, что для похода в наши степи и горы готовятся новые полчища и в видах государственной необходимости, Атаманы Всевеликого войска Донского, Войска Кубанского, Войска Астраханского, Войска Терского и председатель «Союза горцев Северного Кавказа», беря на себя всю полноту Верховной Государственной власти, настоящим провозглашают суверенным государством Доно-Кавказский союз.

Объявляя об этом, просим Вас, милостивый государь, передать Вашему правительству нижеследующее:

1. Доно-Кавказский союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого войска Донского, Кубанского войска, Астраханского войска и «Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана», соединенных в одно государство на началах федерации.

2. Каждое из государств, составляющих Доно-Кавказский союз, управляется во внутренних делах своих согласно с местными законами на началах полной автономии.

3. Законы Доно-Кавказского союза разделяются на общие для всего союза и местные, каковые каждое государство имеет свои.

4. Доно-Кавказский союз имеет свой флаг, свою печать и свой гимн.

5. Во главе Доно-Кавказского союза стоит Верховный совет из Атаманов (или их заместителей) Донского, Кубанского, Терского, Астраханского и главы «Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана», избирающих из своей среды Председателя, который и приводит в исполнение постановления Верховного совета.

6. При Верховном совете периодически собирается не менее раза в год Сейм представителей от населения государств, входящих в Доно-Кавказский союз.

7. Сейм собирается распоряжением Верховного

совета, объявленным через его Председателя, и вырабатывает общегосударственные законы, утверждаемые Верховным советом.

8. Доно-Кавказский союз имеет общую армию и флот. Командующий всеми вооруженными силами союза назначается Верховным советом.

9. Доно-Кавказский союз имеет следующих общих министров, назначаемых Верховным советом:

иностранных дел,
военного и морского,
финансов,
торговли и промышленности,
путей сообщения,
почт и телеграфа,
государственного контролера и
государственного секретаря

10. Временной резиденцией правительства Доно-Кавказского союза объявляется город Новочеркасск.

11. Доно-Кавказский союз имеет общие: монетную систему, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки, общие тарифы; железнодорожные, таможенные и портовые, а также почтовые и телеграфные.

12. Доно-Кавказский союз, провозглашая себя самостоятельной державой, объявляет вместе с тем, что он находится в состоянии нейтралитета и, не будучи в состоянии войны с какой-либо державой мира, борется лишь с большевистскими войсками, находящимися на его территории.

13. Доно-Кавказский союз намеревается и впредь поддерживать мирное отношение со всеми державами и не допускать вторжения на свою территорию никаких войск, хотя бы для этого пришлось отстаивать интересы свои и своих граждан вооруженной силой.

14. Доно-Кавказский союз настоящим изъявляет свое намерение вступить в торговые и иные отношения с державами, которые признают его державные права.

15. Границы Доно-Кавказского союза очерчиваются на особой карте, причем в состав территории союза входят Ставропольская и Черноморская губернии, Сухумский и Закатальский округа и, по стратегическим соображениям, южная часть Воронежской губернии со станцией Лиски и городом Воронежем, а также часть Саратовской губернии с городами Камышиным и Царицыным и колония Сарепта.

16. Доно-Кавказский союз выражает уверенность, что нарождение его будет благоприятно принято всеми державами, заинтересованными в его существовании, и что они не замедлят прислать своих представителей, равно как и союз не замедлит послать свои дипломатические миссии к признавшим его державам».

Некоторые положения этого акта являлись совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой армии. Создание «суверенного государства» в корне противоречило идее Единой России… Создание вооруженных сил Союза, имеющих задачей «борьбу с большевистскими войсками» лишь «на его территории», лишало всякого смысла жертвы добровольцев, приносимые во имя спасения России. Генерал Алексеев, я, тысячи офицеров, поступавших сознательно в армию, не могли относиться к подобным актам только как к «политическим трюкам» или «клочкам бумаги»: практика новообразований с явным превалированием чисто областных интересов, до стремления к примирению с большевиками включительно, не вызывала в этом отношении сомнений. Добровольческой армии предстояло или стать орудием сомнительной областной политики, творимой Радой, Кругом и прежде всего изменчивым настроением казачества, или оставить территорию Союза, распростившись с надеждами на прочную политическую и военную базу, создание которой потребовало стольких усилий и жертв. Вернее – второе. Ибо первое было психологически невозможно ни для руководителей, ни для русских добровольцев.

Исходя из этих положений, я обратился с письмом к председателю донского правительства генералу Богаевскому. Привожу текст письма со сделанными на нем сбоку пометками атамана Краснова.

«Милостивый государь
Африкан Петрович.

Образование в октябре 1917 года «Юго-Восточного союза» в действительности осталось только на бумаге.

Успехи большевиков, развал казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Тереке не дали возможности провести в жизнь образование «Юго-Восточного союза».

Ныне обстоятельства вновь позволяют вернуться к мысли создать прочный и сильный Союз, могущий предотвратить новые испытания.

Изменению обстановки Дон и Кубань в значительной степени обязаны Добровольческой армии, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни.

(Пометка Краснова: «Армия вне политики».)

Добровольческая армия, имеющая задачей возрождение Единой Великой России, кровью своей сроднилась с Доном и Кубанью и далее, перед выполнением своей основной, исторической задачи, она поможет и Тереку освободиться от большевиков.

(Пометка Краснова: «Армия вне политики».)

При образовании «Юго-Восточного союза» в октябре 1917 года никто не имел никаких сепаратных стремлений, и авторы идеи Союза считали, что образование Союза необходимо лишь временно, до восстановления единой России.

Составленная же ныне правительственная декларация Доно-Кавказского союза вызывает самые серьезные возражения:

1. Прежде всего создается впечатление, что идет речь о создании постоянной федеративной державы, вполне самостоятельной, наподобие «самостийной» Украины.

(Пометка Краснова: «Это неверно».)

Авторы этой декларации как бы думали об узаконении расчленения России, а не об ее объединении.

2. Совершенно игнорируется Добровольческая армия, которая помогла Дону и Кубани в борьбе с большевиками.

Даже больше: пункт XIII дает право думать, что и Добровольческая армия, находящаяся на территории Союза, может быть признана враждебной.

(Пометка Краснова: «При чем тут Добровольческая армия?»)

3. Включение в состав Доно-Кавказского союза Ставропольской губернии, в которой уже введено управление распоряжением командующего Добровольческой армией, без особого представителя от губернии является недопустимым.

Эта губерния может быть включена в Союз лишь как полноправный член Союза, так как и по размерам, и по значению она является значительной, и интересы ее и Добровольческой армии должны быть вполне обеспечены особым представителем ее в Верховном совете.

4. Пункт 1[[118]]

Это письмо произвело на генерала Алексеева впечатление полной перемены курса донской политики; он приказал размножить и спешно разослать его мне, Лукомскому, в комиссию.

Опять «клочок бумаги», может быть, предвыборный прием… Через неделю предстояли перевыборы донского атамана… Оказалось, что донские представители, собравшиеся через несколько дней в финансовой комиссии, вовсе не желали отказываться от исключительного эмиссионного права Дона и не приняли никакого, даже принципиального решения под предлогом, что этот вопрос подлежит компетенции Круга и Рады…

На собиравшийся Донской Круг вообще возлагалось много надежд и ожиданий не одним только Доном. Круг должен был указать общее направление политики для старшего и наиболее сильного численно казачьего войска, дававшего тон другим.

Немалый интерес представлял поэтому и атаманский вопрос. Оппозиция атаману была сильна интеллектуально и работала нередко приемами, подрывавшими идею донской власти. Тем более, что политическая борьба переносилась на фронт: в силу почти поголовного участия мужского населения в войне закон предоставлял выборные права частям. Начались митинги, агитация, разгорелись политические страсти, в особенности на окружных совещаниях, отражаясь затем брожением в войсках на

фронте. Атаман энергично расправлялся с оппозицией. Более видные представители ее тем или другим путем были обезврежены. Так, бывший походный атаман генерал Попов устранен от деятельности; генералы Семилетов, Сидорин, полковник Гущин обесчещены атаманским приказом и оставили службу; кадет Н. Е. Парамонов арестован немцами и выслан на Украину. Выслан был также Красновым с Дона представитель «российской оппозиции» М. В. Родзянко в качестве… «гражданина Демократической советской республики…» Любили на Дону красные словца. Сам кандидат оппозиции на пост донского атамана, пользовавшийся репутацией человека либеральных взглядов, противника немцев и друга Добровольческой армии, генерал А. Богаевский состоял председателем правительства, и его безупречная лояльность гарантировала атаману, что в этой должности он будет безопаснее, чем на стороне.

Круг собрался 15 августа, и уже самим фактом избрания своим председателем В. А. Харламова, лидера оппозиции, показал, что доверие к атаману не безусловно… Борьба продолжалась и на Круге всевозможными приемами, не раз чисто демагогическими. Атаманские выборы затягивались оппозицией; судьба их долго колебалась и в середине сентября была окончательно разрешена при взаимодействии трех разнородных факторов: давления германцев, лояльности добровольческого командования и отказа от баллотировки генерала Богаевского.

Еще 4 сентября майор фон Кокенхаузен писал генералу Краснову о враждебности к немцам генерала Богаевского и об его якобы интригах против атамана: «…Высшее германское командование просит Вас потребовать немедленного выбора атамана, которым, несомненно, будете Вы, Ваше Превосходительство (судя по всему тому, что нам известно)… Отсрочка выборов атамана дает возможность агитировать враждебным немцам элементам, и я боюсь, что высшее командование сделает свои выводы и прекратит снабжение оружием…» В день избрания атамана на совещание президиума и старейшин явился командующий армией генерал Денисов и принес телеграмму, адресованную на его имя майором фон Кокенхаузеном:

«По поручению высшего германского командования имею честь сообщить Вам следующее: происшедшее за последние дни показывает, что на Круге имеется стремление ограничить власть атамана. Ввиду чего предвидится опасность, что будет образовано правительство со слабою властью, которая не сможет в достаточной мере противостоять многочисленным внутренним и внешним врагам донского государства.

Так как, с другой стороны, высшее командование может находиться в хороших отношениях только с таким государством, которое по конструкции своего правительства даст уверенность быть сильным и защитить свою свободу, оно (высшее германское командование) видит себя вынужденным до тех пор, пока это обстоятельство является сомнительным, временно воздержаться от всякой поддержки оружием и снарядами. Применение этого решения продолжится до тех пор, пока не будет выбран атаман, в котором высшее германское командование будет уверено, что он поведет политику донского государства в направлении, дружественном Германии, и который будет облечен Кругом полнотою власти, необходимой для настоящего серьезного момента.

Я прошу, Ваше Превосходительство, сообщить об этом еще сегодня же Его Высокопревосходительству донскому атаману, к которому высшее германское командование питает самое полное доверие, а также сообщить господину Председателю Совета Министров генерал-лейтенанту Богаевскому. Подписал:

фон Кокенхаузен, генерального штаба майор».

Денисов, говорится в отчете, прибавил, что «придется совершенно прервать всякие сношения с Добрармией», но «это предложение не встретило сочувствия…»[[119]].

Добровольческое командование, которое генерал Краснов считал злейшим своим врагом и опорой оппозиции, активного участия в борьбе донцов за атаманский пернач не принимало. В приветственной речи, произнесенной на Круге генералом Лукомским, не было сказано ни слова о наших трениях с атаманом. Лукомский выразил «глубокую уверенность армии в том, что все слухи о каких-то антирусских и сепаратных стремлениях отдельных лиц и групп на Дону являются злостной клеветой…» Он говорил еще об «объединении в общей работе по воссозданию единой, великой России и единой могучей русской армии…» Секретный наказ, данный мною генералу Лукомскому[[120]], «в вопросе о конструкции власти на Дону при тех исключительных условиях, в коих находится ныне область», требовал придерживаться следующих положений:

«1. Единая твердая власть, не связанная никакими коллегиями, необходима.

2. Круг должен обязать будущего атамана к прямому, честному и вполне доброжелательному отношению к Добровольческой армии.

3. Раскол среди политических партий на Дону, новые потрясения, подрыв и умаление атаманской власти совершенно не желательны.

Поэтому, если оппозиция не имеет прочной почвы под ногами и сильных кандидатов и считает нужным поддержать кандидатуру генерала Краснова, возражений со стороны Добровольческой армии не будет при соблюдении пункта 2-го.

4. Так как личная политика генерала Краснова совершенно не соответствует позиции, занятой Добровольческой армией, то активной поддержки (например, публичное выступление с соответствующей речью, официозный разговор и т. п.) оказывать отнюдь не следует.

Изложенное в пункте 3-м надлежит сообщить доверительно отдельным видным представителям оппозиции.

5. Выделение отдельных частей Добровольческой армии на Царицынский фронт пользы не принесет, а среди разнородных элементов донских ополчений, астраханских организаций могло бы вызвать чреватые последствия. На Дону остались неиспользованными части новой Донской армии; длительность их подготовки значительно больше, чем мобилизованных Добровольческой армии.

Во всяком случае, Добровольческая армия, как только справится со своей задачей на Кубани, будет двинута безотлагательно на Царицын и поможет в полной мере Дону. При этом обязательно подчинение действующих на этом фронте донских частей командованию Добровольческой армии.

Незаконченность работы здесь[[121]] подорвала бы в корне моральное значение Добровольческой армии и привела бы опять к «исходному положению», т. е. окружению всех границ Дона большевиками».

Генерал Алексеев по поводу производства Кругом атамана Краснова в генералы от кавалерии послал ему телеграмму, поздравив в сердечных выражениях с производством, «являющимся достойной оценкой (его) самоотверженных, неусыпных трудов по созданию Молодой Донской армии».

На Кругу между тем все более нарастало напряженное настроение… «Генерал Богаевский, – докладывал наш представитель в Новочеркасске, допущенный к присутствию во всех заседаниях Круга, даже закрытых, – несомненно, пользовался большими симпатиями Круга, и если бы баллотировался, то прошел бы лучше Краснова. Но было ли бы это лучше для Дона, сказать не могу: он слишком мягкий человек и вряд ли ему удалось бы справиться…» Наконец, на заседании 11 сентября вопрос разрешился: генерал Богаевский потребовал слова и заявил о своем категорическом отказе баллотироваться в атаманы. Он говорил искренно и задушевно о серьезности момента, о недопустимости ломки в направлении

государственных дел, неизбежной при избрании нового лица на пост атамана, о внешней политике, которой «Дон прижат к стене … Я не хочу мешать счастью Дона, служить препятствием к скорейшему освобождению его… не хочу быть виновником пролития хотя бы одной лишней капли крови казака…»

Атаманом был переизбран генерал Краснов.

В числе вопросов, разрешенных Кругом, было два особой важности: «в тяжкое время напряженной войны казачества за свое существование, за свои права и вольности» Круг, утвердив основные законы, предоставил донскому атаману «в полном объеме власть управления военного и гражданского и власть законодательства во время отсутствия Круга…»[[122]]. Это была большая победа генерала Краснова. Круг принял также закон «об отчуждении в войсковой земельный фонд всех частновладельческих земель с их недрами и лесами… для удовлетворения малоземельных казаков и коренных крестьян»[[123]]. Это была победа оппозиции.

Свое отношение к внешней политике атамана Круг высказал в словах сдержанных и осторожных: «Одобрить общее в отношении центральных держав направление политики правительства, основанной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения Дона в борьбу ни за, ни против Германии…» К вопросу об «Юго-Восточном союзе» Круг отнесся довольно равнодушно, но признал все же принципиально необходимость его восстановления и пересмотр союзного договора. Вместе с тем Круг высказал Добровольческой армии «горячую любовь и искреннее желание не словами, а делом служить (ей) в (ее) тяжелой святой работе…»

Хотя, таким образом, конкретно взаимоотношения между донским атаманом и добровольческим командованием установлены не были, но «общее отношение Круга к Добровольческой армии, – как доносил наш представитель, – было в высшей степени благожелательное. Это много раз высказывалось… А в частных беседах многие и до сего времени продолжают смотреть на армию, как на спасителей Дона, а потом и России… В составе правительства (также) очень много сторонников армии… Теперь, – резюмировал докладчик свои впечатления, – с громадными изменениями внешней обстановки и атаман Краснов должен изменить свой курс в отношении Добровольческой армии».

notes

1

Соединенные Южная, Астраханская и Народная. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Речь в Таганроге. Приазовский край. 1918. № 178.

3

Май

4

Однофамилец генерала

Такой набор разрешался всем армиям, кроме Добровольческой. Приказ Войску Донскому № 921

6

Отчет о разговоре генералов Краснова и Эльснера 18 октября

7

Доклад генерала Эльснера 7 июня. № 144

8

Письмо генерала Алексеева мне от 26 июня. № 59

9

Гвардейцы собирались тогда при 1-м Офицерском полку Добровольческой армии

10

От 31 августа

11

Свидание в Манычской

12

Доклад полковника Дроздовского

13

Долго еще Краснов в заседаниях правительства, немцам и вообще при всяком удобном случае повторял, что «отряд полковника Дроздовского покинет Добровольческую армию и перейдет на службу к Донскому или Астраханскому (?) войску». Протокол заседания 26 июня

14

От 8 сентября. № 172

15

С ноября после падения немцев средства – 76 миллионов – обязался доставить гетман. Но до своего падения отпустил только 4? миллиона

16

Письмо от 3 августа 1922 г. в опровержение слов генерала Краснова о личных переговорах с ним. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции

17

Тогда уже помощнику главнокомандующего Добровольческой армией

18

Разделяй и властвуй (лат.)

19

Письмо от 12 октября. № 148. Я ознакомился с его содержанием только после отправки.

20

Бывшая Южная армия

21

Письма генерала Алексеева и отчеты о заседаниях

Из протоколов заседаний

23

Генерал Алексеев жил тогда в Новочеркасске

24

№ 187

25

Отдел оставался еще в Новочеркасске

3 августа. № 551.

27

Телеграмма № 10 от 18 августа 1918 г.

28

№ 02 без даты

29

13 октября. № 010

30

Сорокин никогда не выходил к Царицыну. Как увидим ниже. в октябре против Добровольческой армии было большевистских войск 93 тысячи при 124 орудиях

31

Вечернее время. 191 в. № 16.

32

Письмо от 7 июня

33

Курсив подлинника

34

Как выяснилось впоследствии – человек с темным прошлым по имени И. В. Добровольский

35

Письмо к генералу Щербачеву от 31 июля 1918 г.

я предпочитаю изобразить взгляд М. В. его собственными словами и утверждаю, что этот взгляд был присущ ему во всех стадиях нашей совместной деятельности на юге России

37

Декларация от 23 апреля

38

Алексеева к Щербачеву

39

14 мая 1918 г.

40

Объединение России путем контакта с немцами и восстановление конституционной монархии. Письмо 7 мая 1918 г.

41

30 июля 1918 г.

Показательно, что из рядов послышалась произнесенная каким-то хмурым полковником фраза: «Да, но это враг – культурный…»

43

Речь 16 января 1920 г.

44

В Егорлыкской стояли только 1-я (Марков) и конная (Эрдели) дивизии, 2-я дивизия (Боровский) – в Мечетинской и 3-я (Дроздовский) была еще в Новочеркасске

27 сентября. № 027.

46

От 26 июня. № 59

47

Доклад полковника Крейтера от 18 сентября

48

Протокол заседания 2 мая

49

Объяснения Быча в заседании 10 июня

50

Отчет о совещании

51

Генерал Казанович, А. А. Ладыженский, полковник Новосильцев, ротмистр Шапрон

52

Впечатления дроздовца

В том числе 1340 штыков, 400 шашек.

Сохранились записи денег, ассигнованных «на образование центров»: Одесского – 10 тысяч рублей, Тираспольского – 5 тысяч, Таганрогского – 3 тысячи и т. д.

В конце месяца строевой отдел был разделен на управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала, во главе которых стали полковник Сальников и генерал Трухачев

Оставался временно в Новочеркасске

Оставался временно в Новочеркасске

Часть его с двумя орудиями оставалась в Донской армии

59

Сформирована на походе

Придана была к ней часть конно-горной батареи дивизии Дроздовского

61

Последний в починке

Внешнее объединение первых двух последовало 14 мая, прочих – в начале июня, когда образовалась Северо-кавказская советская республика

63

Большевистские боевые расписания нам сообщали и из Москвы.

Тихорецкая, Екатеринодар, Армавир, Майкоп, Новороссийск, Ставрополь и другие

События на Тереке не отражались непосредственно на этой операции

Сальский округ с центром Великокняжеской

Особенно Мартыновка и Орловка

68

Дивизия генерала Боровского 28 июня заняла село Медвежье в 95 верстах от Ставрополя

Некоторые отделы отвоевали право формирования чисто кубанских частей, которые и перешли к нам

«Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков»

71

Иногородними

Позднее сменил Автономова

73

Разговор между Красновым и Эльснером 15 июня. Отчет № 228.

74

От 31 июля

Сорель. Европа и Французская революция

76

Полковник Кутепов командовал бригадой во 2-й дивизии

77

В районе Кизлярского и Петровского участков Владикавказской железной дороги царила анархия и велась борьба между терцами, горцами и большевиками

Убит в октябре большевиками в Ставрополе

79

Из состава 1-й дивизии батальон марковцев и 1-й конный полк

Дело капитана Морозова

81

Предместье города

82

4-й Кубанский пластунский батальон и батальон 2-го Офицерского полка

83

5 сентября 18 г

Из резолюции съезда

приказ в августе 18 г. № 5

Даты постановления не знаю, но напечатано было в газетах от 5 сентября

87

Бой у Покровского

Воззвание президиума Лабинской бригады

89

Военно-полевой совет 1-го Кубанского военно-революционного кавалерийского полка

2-я Кубанская дивизия. Отдельная бригада и мелкие части

Самурский полк, бывший 1-й Солдатский

Бывшая группа Сорокина

93

Официально – командующий войсками Северо-Вост. фронта

94

Занял 4 сентября

95

Марковский полк, 2 орудия, 3 сотни. Около 1? тысячи штыков и сабель

Приказание это, по заявлению штаба Дроздовского, не дошло по назначению

Дроздовский считал необходимым дать двухдневный отдых войскам

Кубанские пластуны и конница, части польской бригады, добровольческая артиллерия. Для характеристики наших масштабов боевого снабжения отряду дано было 150 снарядов и по 70 патронов на винтовку

99

Только на грузинском фронте остался конный полк и формировался дивизион

100

Во главе всех советских войск стал Реввоенсовет во главе с Троцким

101

Бывший народный комиссар внутренних дел

102

Командующий войсками Северо-Восточного фронта

103

Бывший начальник штаба Сорокина

104

Председатель краевого комитета партии большевиков и товарищ председателя ЦИК

105

Развернут незадолго перед тем из 4-го батальона Марковского полка

106

В 42 верстах от Дивного – пункта сосредоточения 2-й Ставропольской дивизии (большевистской)

107

Из акта расследования «Особой комиссии»

После занятия большевиками города

109

Председатель «чрезвычайки» Артабеков

3-я дивизия и пластунская бригада

111

К югу, в переходе от Ставрополя

Ему придана была ранее бригада конницы из состава 3-й дивизии

113

В 1-м Кубанском походе

В том числе 15 тысяч Молодой армии

115

Собрался в августе

116

Из отчета о заседании 18 сентября

117

Приказ от 19 сентября № 6

118

Письмо генерала Краснова генералу Алексееву 3 сентября 18 г. № 679

119

Отчет от 15 сентября. № 16

120

От 22 августа

121

На Кубани

122

Указ 15 сентября 18 г

Вознаграждение было установлено только за земли